

ИСТОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В ГРЕЦИИ (1917—1939)*

ИШТВАН ДОЛМАНЬОШ

Памяти Каподистрии, 1831—1981.

С продвижением вперёд разработки аграрной истории Греции окончательно теряет актуальность вопрос: существовало ли крупное землевладение в Греции начала XX века, т. е. на Балканском полуострове. Теперь уже и новая греческая буржуазная обобщающая работа оценивает долю тогдашнего крупного землевладения в 50,5% всей территории и 75% обработанной территории.¹ И хотя сами цифры могут быть подвергнуты сомнению, учитывая восточноевропейское понятие крупного землевладения и пропорции, установленные в остальных странах, существование крупной земельной собственности на рубеже веков бесспорнее, чем когда-либо. Поскольку доля крупной земельной собственности в Турецкой империи перед первой мировой войной оценивается советскими исследователями в 39,3% обработанной территории,² представляется вероятным, что доля греческих и местами ещё сохранившихся (в Македонии, в определенных территориях Фессалии, в Фракии) турецких крупных хозяйств была значительнее. Это обстоятельство со стороны земельной собственности подчёркивает более сильный нажим аграрного вопроса в Греции по сравнению с Малой Азией.

Менее заметен прогресс в подходе к проблеме форм эксплуатации греческих крупных земельных владений. *Повсеместность* обработки крупных земельных участков в форме издольных и арендных хозяйств, частое отсутствие значительного барщинного хозяйства с центральной разработкой, различные виды карликовых вариантов пользования землёй, разновидности сельскохозяйственного наёмного труда и т. д. — всё это по сути дел игнорируется даже в тех трудах буржуазных историков, которые посвящены именно истории аграрного вопроса в Греции. В такой ситуации одностороннее подчёркивание господствующей

* О восточноевропейских взаимоотношениях греческой аграрной политики см. серию статей автора в «Аграртэртээнэти сеиле» (Аграрно-исторический обозреватель) за 1962—1965 гг. Настоящая статья появилась и на венгерском языке: *Dolmányos István: A kelet-európai földreformok néhány problémája (1917—1939)*. IX. Görögország Agrártörténeti Szemle 1983. 1—2. (И как отдельный оттиск).

щего влияния крупного землевладения неизбежно формирует у зарубежного читателя картину в общем *сложившегося* аграрного развития прусского типа, что не соответствует действительности.³ Один из старых знатоков греческой аграрной реформы, обратив глаза на сотни крупных земельных владений (чифтлики), считал, что лишь 4 или 5% из них располагали «частным хозяйствованием».⁴ Поэтому в то время как в северных странах Восточной Европы противостоявшие реформе консервативные силы везде настойчиво ссылались на преимущества крупного производства по сравнению с мелкими хозяйствами, консервативный исследователь греческой реформы не показывает, да и не может показать здесь *в подавляющем большинстве случаев* существенное производственное превосходство крупного хозяйства.⁵

Все эти обстоятельства в последние времена привели к понятному росту интереса к турецкому компоненту аграрного развития Греции. Ведь, несмотря на то, что позднейшие отношения строились здесь на остатках прежней византийской или родственной ей средневековой аграрной структуры, на формирование этих отношений оказала влияния и турецкая аграрная система. Например, в определённой степени посредством мечет-чифтликов, которые даже после младотурецкой революции держали в руках в Македонии шестую часть всей земли в форме небольших чифтликов.⁶ Чифтлики, расположенные на македонских, фракийских и других территориях, перешедших к Греции через несколько лет (в 1912—1913 гг.), после рубежа столетий находились ещё в большинстве в руках турецких господ.⁷ Таким образом, обычное противостояние «людей сабли» и «людей сохи» здесь обострилось и этническим фактором. В тяжёлых экономических и демографических условиях в результате борьбы между крестьянами и землевладельцами, в которой последние, из-за повышения арендной платы, часто были заинтересованы в изгнании рабочей силы, местами образовалась своеобразная греческая, славянская миграция, почти кочевничество, г. н. движение белых рабов. В данных условиях крупные землевладельцы препятствовали оседанию на земле крестьянского населения, ставшего бродячим элементом или уже ранее находившегося в движении. Против этого выступили даже в турецком парламенте, меджлисе.

В чифтликах наёмный труд чаще всего применялся в овцеводстве, где можно было легко использовать временных пастухов. Часть прежних наёмных рабочих чифтликов располагала малюсенькой издольной или свободной землёй. Конечно, наёмный труд применялся и в крестьянских хозяйствах.⁸

Замена турецких господ греческими произошла в Македонии, на фессалийских землях и во Фракии не просто в связи с аннексиями, как ранее на других территориях Балканского полуострова. Многие турецкие землевладельцы, учтя уроки прошлого, ещё до этого продали свои владения и удалились во Внутреннюю Турцию. Этот процесс не нарушил их турецкого большинства, но в Македонии на основании старых и новых приобретений он сделал возможным хозяйничанье около двухсот нетурецких, то есть в основном греческих владельцев чифтликов.⁹

Исследование турецких связей аграрного развития Греции тем более поучительно, что в малоазиатской Турции в свою очередь имелось определенное количество греков, располагавших крупными владениями. Таким образом, до конца первой мировой войны греческое и турецкое аграрное развитие были связаны друг с другом прочными нитями, более прочными, чем это видно из многих современных работ буржуазной исторической науки. В основном этими связями объясняется *давний* интерес греков и турок к аграрной политике друг друга, многообразное взаимное влияние, в рамках которого греческая аграрная политика была обычно менее медлительная.

К географическим, природным особенностям принадлежащих грекам или обрабатываемых греками крупных владений относится то, что на Балканском полуострове, как это установил и греческий исследователь,¹⁰ наблюдалась меньшая урожайность, чем в Малой Азии. Это именно греческая особенность, которую нельзя распространить на Болгарию или Румынию. Она также обостряла аграрные проблемы. В новозеллинском государстве, которому угрожали уникальные в Восточной Европе трудности в снабжении сам собой зерном, этот фактор приобрёл особое значение. Основной причиной низкой урожайности считается засуха. Земледелие, осуществлявшееся в долинах, окружавших облуплившиеся овалы горные центры, требовало воды, так что в Греции проблема широкомасштабного и практически почти неизбежно государственного орошения стала одной из центральных проблем аграрной политики.

Напротив, в отношении необработанных земель Греция и перешедшие к ней новые территории находились в лучшем положении: здесь крупные поместья охватили меньше невозделанных земель, чем в Малой Азии. (Хотя, по сравнению с лежащими к северу странами, например Болгарией или, особенно, Венгрией, необработанные территории в Греции были сравнительно обширны). В противовес Турции наблюдалось преимущество в области удобрения.

Социальное бедство, вытекавшее из характера и структуры аграрной собственности, которые выделял и В. И. Ленин, не могли быть соответствующим образом уравновешены даже долей частей Греции со свободными мелкими крестьянскими хозяйствами или с крестьянством, находившимся в слабой зависимости. Центр тяжести этого слоя падал на южные территории, на мир острова. (Соответственно, средоточием крупного землевладения был сначала Пелопонес, а затем, после присоединения Фессалии, Фракии и части Македонии — последние, Причём главной житницей в конечном итоге стала недавно присоединённая территория Македонии, где до этого господствовала турецкая система землевладения¹¹). Что касается доли самостоятельных или формально самостоятельных мелких крестьянских хозяйств северных территорий, то здесь у нас могут быть скорее туманные предположения на основании числа находящихся там чифтличных посёлков и т. н. свободных посёлков, поскольку источники свидетельствуют о наличии здесь небольшого количества практически свободного мелкого землевла-

дения. Согласно данным за 1907 год, в Македонии насчитывалось 609 помещичьих и 726 т. н. свободных посёлков, в то время как в Фессалии на 658 помещичьих посёлков приходилось 326 «свободных» поселений.¹² Самостоятельные или менее зависимые мелкие хозяйства были залавлены, наряду с частыми и разнообразными тяготами аренды, наследственной аренды (змфитеосис), бедами, вытекавшими из развития и неразвитости современного капитализма. Их истощали эксплуатация банков, отсутствие дешёвого кредита, сельскохозяйственное перенаселение, связанное, в том числе, с неразвитостью промышленности.¹³ Тяжёлые последствия имела для них чрезмерная власть усилившейся вместе с империализмом, известная тоже с плохой стороны олигархии византийского происхождения. Экономическая и политическая самовласть этой одиозной, руководимой воинственным королём¹⁴ олигархии, называемой также олигархией ХУІ века, привело к решительному подчинению в основном измелъчённых крестьянских хозяйств даже в особенно интенсивных аграрных зонах окрестностей греческих городов. В конечном итоге до мировой войны, если мы не считали бы Турцию и Албанию, греческое сельское хозяйство было бы наиболее отсталым среди стран Восточной Европы.¹⁵

Крупнейшая массовая борьба против греческих монархистских, олигархических сил, консервирующих отсталость, развернулась ещё до первой мировой войны. К этому времени уходят отдалённые предшества последовавшей позже буржуазной аграрной реформы. Одним из стимуляторов повторного оживления реформистской деятельности в области аграрного законодательства был первый крупный политический кризис, который постепенно развернулся на территориях с греческим населением под влиянием русской революции 1905—1907 г. Несмотря на это в греческой и негреческой буржуазной историографии при описании греческих событий совершенно игнорируется ускоряющее, повышающее сознательность влияние русской революции, в отличие от исторической науки социалистических стран, где об этом обычно упоминается.¹⁶

Этот первый в XX веке крупный политический кризис затронувший греков, развернулся параллельно на заселённых ими территориях Греции (с автономными областями), а также в соответствующих районах турецкой империи. На юге, на острове Крит начало новому этапу положило восстание 1905 года в Ферисо. Хотя это движение не выходило за рамки буржуазно-демократических устремлений, и его собственно социальный характер был в определённой степени отодвинут на задний план лозунгом полного воссоединения с центральной Греции (энотис) и антитурецкой политической линией, это восстание немедленно привело в движение определенные крестьянские массы и оказало стимулирующее влияние на политическую мысль в центре Греции. Однако оно не сумело вызвать там революции.¹⁷

По-иному сложился ход событий в турецкой империи: в населённой и греками Македонии, фессалийских и фракийских районах. Там с усилением местных восстаний и движений к 1908—1909 году

вспыхнула новая, «предписанная» революция, первая касающейся Европу, последовавшая за революцией в России. Эта революция, хотя и была оседлана руководящей группой младотурок, игравшей во многих отношениях консервативную, непоследовательную, тормозящую роль, но располагала большими массовыми силами. С греческой точки зрения эти события стали значительными прежде всего потому, что в находившихся под турецким владычеством Салониках и в других зонах стали интенсивнее складываться и очаги социалистической революционности. Благодаря затронутым революционным настроением членам созданной в 1909 г. в Салониках рабочей организации под названием «Федерация» (по-гречески — *Φεντερασιόν*), искавшим контактов с международной социал-демократией, в южном направлении — пока в региональных рамках — была заложена до того наиболее прочная в то время основа всегреческого рабочего политического направления. В результате этого, а также в результате создания других социалистических организаций, с помощью болгарских и других социалистов, находившихся в тесной связи с русским рабочим движением, греческое рабочее движение быстрыми темпами наверстало кое-что из своего прежнего отставания. В греческой буржуазной историографии, из-за её антиреволюционной направленности, едва говорится о радикализирующем влиянии событий, о радикализирующих соотношениях происшедших, и установленных средн попавших под власть *революции* македонских, фессалийских и фракийских территориях, и среди всех областях с греческим населением, включая Грецию. Между тем именно развитие салоникинского движения и создание «Федерации» стали первым кульминационным пунктом всегреческого политического кризиса. Правда, влияние младотурецкой революции, обещавшей прежде всего под воздействием болгар земельную реформу, сегодня уже не замалчивается полностью и в этой историографии. По необходимости говорится и о «Федерации». Однако буржуазные специалисты по-прежнему наотрез отказываются освещать младотурецкую революцию, её греческих революционеров как посредников, передающих влияние русской революции. Но новейшими советскими исследованиями накоплено уже столько материала, доказывающего позитивные отклики народов турецкой империи на русскую революцию, что эта попытка замалчивания тоже будет недолговечной.¹⁸

(Заслуживает внимания то, что упомянутый подход буржуазной историографии в некоторых отношениях оказывает негативное влияние на кругозор иных греческих историков, считающих себя по марксистским позициям).

В самой Греции первая кульминация кризиса в 1909 г. ознаменовалась афинским, или по-иному т. н. гудийским «восстанием» (не революцией, а восстанием, несмотря на то, что в греческом языке революция и восстание обозначаются и одним словом). Этого движения не было бы без революционного участия греков из Турции. Волнения, начавшиеся в Афинах и их окрестностях, собственно говоря указывали на то, что революция, вспыхнувшая на Балканском полуострове, пере-

тянула очаг недовольства с греческих островов в материке Греции, а затем быстро несла этот центр по направлению к северной части страны. Группа офицеров, организуемая в Афинах, позже направившаяся в Гуди и выступившая с оружием в руках, представляла лишь одно крыло греческих правящих классов. Согласно своей программе, они хотели путём определённых реформ успокоить народные массы и преградить путь настоящей революции. Их политическим руководителем был Венизелос, монархист, проводивший, однако, политику недовольности. Ранее он политически сотрудничал с участниками восстания в Ферисо. Тогда гудийское движение призвало его на место событий. Непокорная группа офицеров в определённой мере открыла клапаны для недовольства рабочих-солдат, крестьян-солдат, а также крестьянства окрестностей Гуди, желая в то же время приглушить именно его. В этом пункте на передний план вышла идея земельной реформы, более значительной, чем аграрное законодательство предыдущих лет. Крестьянство требовало действительно радикальных перемен. Венизелиты на словах не раз объявляли себя революционерами, но только лживо играли обновительной памятью войны за независимость 1821 г. и восстания 1862 г., отождествляя свою мелкую превентивную реформу с аграрной реформой, обдумывавшейся со времени Каподистрии по более глубоким причинам и отчасти уже тогда оказавшейся в начальной стадии осуществления.

Смена политического караула, в определенной степени осуществлённая внутри господствующих классов партией, названной венизелитской, либеральной (на самом деле — консервативно-либеральной), успешно загородила путь греческой революции. Однако даже в начале ликвидации младотурецкой революции она была неспособна остановить движение греческих крестьян. В 1910 г. крупные и тогда уже действительно крестьянские волнения, «занятие земельных участков» поддерживали беспокойство в фессалийских районах Греции. Это событие, как второй и конечный кульминационный пункт политического кризиса, стало решающим обстоятельством, которое — уже после знакомства со столыпинской аграрной реформой в России — немедленно вынудило греческое правительство создать буржуазный закон о земельной реформе. Поскольку и султан находился перед необходимостью принятия новых аграрных законов, правительство греческого короля Георгия I ни в коем случае не могло уклониться от уступок.

В 1911 г. фессалийская деревня звенела от возгласов пробуждённого крестьянства: «Долой господами чифтликеров!» Этот лозунг распространялся во всех районах страны с крупным землевладением, когда в атмосфере возбуждённости 8-го января 1911 года греческий парламент, приступивший к обсуждению поправки к конституции, в качестве вынужденного продолжения прежнего законодательства объявил, что защищающий частную собственность 17-ый § конституции 1864 года не является препятствием для обеспечения в присоединённых к Греции фессалийских районах крестьян, не располагавших земельной собственностью, правами собственности путём покупки и отчуж-

дения при содействии государства чифтликеров.¹⁹ Однако постановления были сформулированы подозрительно схоже с турецкими и ставили раздел чифтликеров в зависимость от согласия крупных землевладельцев.

Но из-за устойчивого беспокойства крестьян и на практике было невозможно совершенно отказаться от раздачи определенных прав на parcelлы и внутренней колонизационной parcelляции. Поэтому на местах началась медленная раздача прав на parcelлы, parcelляция, результат которой до мировой войны был невелик и выражался всего в тысячах гектаров. Дело в том, что крестьянское движение в результате политического обмана, а также Балканской войны и других факторов не смогло накопить сил, достаточных для принуждения правительства к проведению хотя бы несколько более широкой реформы. Греческие и между двумя мировыми войнами немецкие буржуазные учёные допускали ошибку консервативного характера, когда видели настоящую аграрную революцию, аграрное восстание даже в этих небольших местных греческих крестьянских движениях, демонстрациях.²⁰ Однако был и другой фактор, который в определённой степени действовал против ограничительных мероприятий правительства: через короткое время после приобретения македонских, фессалийских и фракийских областей пришлось как бы снова приняться за урегулирование аграрных отношений на севере страны. Неожиданно практически прямо из турецкого феодализма на Грецию обрушилась масса нетронутых чифтликеров. Значительная часть турецких землевладельцев выбежав из страны покинула свои земли. Таким образом, Греция, независимо от своего желания, получила экспроприированный земельный фонд. Новая, более крупная волна раздачи прав на parcelлы стала необходимой на севере даже там, где владельцем чифтлика, (чифгликас чифтчи) был грек. Потому что, хотя популярная поговорка о том, что в таких земельных владениях изменился лишь головной убор господина, феска, была и не совсем точной, существенных перемен действительно не произошло. Таким образом ещё до начала мировой войны, но уже после турецких аграрных законов 1913 года, правительству нового короля, Константина, пришлось начать новые мероприятия в области земельной политики, которые комбинировались с трудным тяганием, продолжением старых. Эта новая акция законов 1914 года в ущерб местным крестьянам и отчасти в ущерб остальным крестьянам центральной Греции была сведена правительством к мероприятиям по расселению, колонизацию крестьян, покинувших территорию турецкой империи. Всё это происходило в обстановке нагнетания шовинистических настроений, в рамках нового закона о поселении и ряда постановлений, в рамках мыслей вырождавшихся в программу, требующую полного восстановления Византийской империи без учёта этнических изменений (Великая идея, Мэгали идэа, 'Ημεγάλη Ἰδέα) и ссылающуюся на времена византийского императора Константина. Прежде всего таким образом наделение правами на parcelлы превратилось также в раздел земли, однако ценой того, что отнюдь не удалось ликвидировать со-

циальное недовольство на местах. Этот этап реформ также не стал «блестящей эпохой».

В конечном итоге первые начала реформ в Греции до мировой войны носили определённый смешанный характер. С одной стороны, в действиях греческого правительства и господских партий можно увидеть подобие поверхностного закона о поселения Дарани, принятого в Венгрии, и тогдашних, недостаточно демократичных, в этом отношении и не устоявшихся венгерских буржуазных реформистских проектов. Несомненно, это было в начале основным направлением их деятельности в области земельной политики. В отличие от Венгрии, мероприятия по парцелляции в Греции до самой мировой войны расширялись в результате более активных крестьянских движений. Правительство было вынуждено вести более широкую практическую реформистскую деятельность. Эти обстоятельства в первую очередь вытекали не из аграрнополитических намерений греческого правительства. С другой стороны, в Греции в то время ещё решалось некоторых таких позитивных проблем, которые в Венгрии и в северных странах были разрешены раньше в ходе освобождения крестьян. Больше того, в результате полной ликвидации в некоторых местах крупного турецкого землевладения ранее и тогда были сделаны здесь такие радикальные шаги, подобные которым были невозможны в рамках прежних крестьянских реформ во многих восточноевропейских странах.

Новые волны парцелляции немедленно выявили непоборимые недостатки правительственной земельной реформы. Большая часть новых владельцев парцелл столкнулось с материальными трудностями. Настоящую пользу от перемен получило богатое крестьянство, слой греческих арендаторов. В стране не чувствовалось существенного снижения аграрной напряжённости, питавшейся из феодальных и капиталистических корней. За один-два года снизился «революционный» авторитет Венизелоса в глазах крестьянских масс. Если некогда даже этот консервативно-либеральный политик мог дать знамя для выражения недовольства крестьян, то теперь, под влиянием неблагоприятного опыта, надеющаяся на буржуазные реформы мелкая буржуазия, крестьянство начали искать первого знаменосца среди других политиков. Кружок революционеров-социалистов, укреплявшееся рабочее профсоюзное движение в основном оказали позитивное влияние на село, однако, прежде всего из-за своей программы коренных преобразований, этот слой социалистических политиков не был сторонником ограниченных реформ внутри данного социального строя и в то же время ещё не мог подружиться с мыслью о революционном разделе земли. Ревизионисты запустили крестьянский вопрос или толкали аграрную политику в ложном направлении. Таким образом, на партийном уровне в этом буржуазном движении за земельную реформу тогда роль знаменосца стала переходить к новому направлению, отчасти выделившемуся из либеральной партии. Снова накопившееся социальное недовольство шаг за шагом обратило в сторону села внимание интеллигентской группы Папанастасиу, лишь кокетничавшего с социализмом

и придерживавшегося буржуазной радикально-либеральной ориентации, и со временем отсюда сложилось направление, выражавшее интересы мелкой буржуазии и богатого крестьянства. Хотя представители этого направления, составленного из различных групп, и выступали за «настоящую», «более радикальную» аграрную реформу, именно из-за отрицания революционной перспективы они были обречены на сотрудничество с венизелитами, с монархистами, на движение в фарватере их политики. Из лидера «гетерии социологов», доктринёра экономиста Папанастасиу в конце концов получился политик более аграрного профиля, чем венгр Оскар Яси. В то же время уже в начале карьеры у Папанастасиу было больше точек соприкосновения с официальным греческим национализмом, чем у Яси с официальным венгерским, и поэтому, постепенно удаляясь от прогрессивных сил, он отнюдь не быстро превратился в громкого шовиниста.²¹

Прежде чем этому направлению удалось сделать что-либо значительное в аграрной политике, сначала вблизи Греции вспыхнула мировая война, затем греческая интервенция центральных держав и «охранительных держав» Антанты, а также их всё расширяющаяся непосредственная военная жандармская роль в этом районе,²² превращение страны во фронтовую территорию заморозили последнюю предвоенную волну парцелляции. Венизелоса ожидал благоприятный для него поворот. Пронемецкий премьер-министр Гунарис и его преемники тогда не могли составить ему серьёзной конкуренции в реформистском одурманивании масс. Особенно после того, как афинский митрополит Теоклитос в 1916 г. проклял Венизелоса за сотрудничество с Антантой, а король Константин приказал объявить его изменником родины, оппозиционное контр-правительство Венизелоса, переселившееся в Салоники, снова несколько выросло в глазах широких крестьянских масс.

Окончательный перелом в деле не планировавшейся Венизелосом серьёзно широчайшей буржуазной земельной реформы был внесён влиянием Февральской буржуазно-демократической революции в России. Греческая буржуазная историография и в этом случае оставляет в тени этот важный компонент перемен, почти целиком исключив из греческой истории связанные с Россией события первых 10 месяцев 1917 года (не проявляя при этом объективности и по отношению к следующим месяцам, годам).

После падения царизма и укрепления победы гигантской буржуазно-демократической революции в России созданное в Салониках правительство оказалось под сильным давлением греческого народа. Особенно рабочие и солдатские демонстрации прорусского и республиканского характера, состоявшиеся 1-го мая 1917 г.,²³ угрожали ему потерей уже почти целиком завоёванной власти. В результате деятельности Социалистической «Федерации» и её преемников Салоники и их окрестности, ещё не занятые центральными державами, являлись как раз наиболее неустойчивой почвой для правительства Венизелоса, и это ускорило его переселение. Вскоре после майских демонстраций

Венизелос был вынужден принять новое решение в издавна ведущейся им мнимой революционной игре. 20-го мая (2-го июня) 1917 г. диатагмы, декреты салоникского «революционного» правительства положили начало вынужденному курсу на более широкую буржуазную аграрную реформу, который, как это видно из описанного ниже законодательства, ставил своей целью и политическое разъединение рабочего класса и крестьянства.

Свержение царизма в значительной степени содействовало быстрой детронизацией короля Константина. Одним из доказательств того, что Константин был удалён не просто в результате совместного выступления стран Антанты, было то, что английское правительство протестовало против готовившейся детронизации. Английский король Георг V. в противовес греческому антимонархистскому, демократическому движению перед лицом общественного мнения Антанты неожиданно с тёплыми родственными чувствами вспомнил, что Константин — его двоюродный брат. В свою очередь Константин уже был готов перебежать на сторону Антанты. И хотя 30-го мая (12-го июня) 1917 г. Константину после лишения престола, сопровождавшегося ликованием народа, пришлось всё-таки покинуть страну, благодаря поведению правительств Антанты и Венизелоса греческая монархия, династия Глюксбург датского происхождения, были спасены вопреки начавшимся с апреля республиканским акциям. Эта «революция сверху» по существу помешала греческой весне стать похожей на русский февраль, снова закрыла путь настоящей греческой революции. Удаление Константина и коронация короля Александра в значительной степени произошли под давлением народа, однако они в меньшей степени были результатом непосредственной массовой акции по сравнению с произошедшим в следующем году низложением Фердинанда в Болгарии после владыцкого восстания. Все жё, падение греческого короля, как событие, стимулированное русской революцией, было одним из обстоятельств, облегчивших переход трона в Болгарии в октябре 1918 г.

Об усилении массовых крестьянских движений свидетельствовало то, что греческому буржуазному режиму именно весной 1917 г. пришлось выделить из прежде единого министерства экономики министерство по делам земледелия. 27-го июня 1917 г. в Афинах было перестроено правительство Венизелоса, которое с помощью вновь созданного министерства по делам земледелия торопливо приступило к выработке, быстрому парламентскому обсуждению и, конечно, удержанию в «соответствующем» русле «большой» земельной реформы.²⁴

Упомянутые пять диатагм, декретов салоникского временного правительства за номерами 2466—2470 (20-е мая — 2-е июня 1917 г.) в принципе стали шагом вперёд по сравнению с прежними этапами реформ благодаря тому, что они предписывали всеобщую принудительную экспроприацию на внутренних территориях, обозначив нижнюю границу экспроприации — в большинстве случаев — в 100 гектаров (1000 стрем; 1 строма = 1/10 гектара). Это было настолько непохожим на довоенную греческую внутреннюю парцелляцию, что советские

исследователи аграрной истории, даже учитывая предшествующие события, по праву пишут о «новой аграрной реформе»,²⁵ а не просто о продолжении старой. К отрицательным сторонам первых декретов относилось то, что они распространялись на территорию салоникского правительства, Македонию, и не получили силы немедленно по всей стране.

Из-за последнего обстоятельства, а также из-за усиления социального недовольства после падения короля Константина, возглавляемое Михалакопулосом министерство по делам земледелия, особенно при участии находившегося под влиянием Папанастасиу молодого государственного секретаря Александроса Милонаса, приступило к выработке широкого всегреческого аграрного закона. (Вторым руководителем начавшейся тогда греческой буржуазной аграрной реформы времен между двумя мировыми войнами был Ясеменидис, который в течение 20 лет занимал директорский пост в министерстве по делам земледелия).

Собственно говоря, уже подготовка проекта нового всегреческого аграрного закона показала, что прежние декреты принесли ничтожные результаты. Ссылаясь на военное положение, на непроясненность земельных отношений, на недостаток в землемерах, на несовершенство документации (кадастры) и на другие факторы, помещичьи-буржуазные власти отложили-оттягивали выполнение этих декретов. Значительная часть греческой монархистской прессы после марта 1917 г. все ещё по-прежнему восхваляла русского царя и надеялась на его возвращение, на успокоение международных классовых отношений. Другая часть буржуазной прессы засыпала похвалами Керенского и видела в власти его залог собственного спокойствия.²⁶ Проект этого аграрного закона № 1072 1917 года обсуждался в парламенте во второй половине года очень неторопливо, с явным намерением затянуть решение. Новый проект в основном содержал прежние декреты, но уже в общегреческих масштабах.

На основании темпов парламентской дискуссии можно было предположить, что обдумывание окончательного земельного закона будет продолжаться несколько лет, однако этому помешал политический атомный взрыв Великой Октябрьской социалистической революции, повлиявший с много раз мощной силой даже по сравнению с Февральской революцией. Огромное воздействие в Греции этого великого события²⁷ окончательно сделало 1917-ый год важнейшим годом греческой буржуазной аграрной реформы. Когда пришла весть о том, что в Советской России на основании декрета о земле все крупные поместья передаются крестьянам, именно для предотвращения такого радикального решения и чтобы избежать революции, правительство Венизелоса завершило работу над общегреческим аграрным законом и обеспечило его принятие на рубеже 1917—1918 г. (29-е декабря ; 10-е января).

В буржуазной исторической науке закон № 1072 часто характеризуется как исторический поворот в греческом сельском хозяйстве, а правительство Венизелоса считается просто-напросто революционным

правительством.²⁸ Добавляет к этому, что греческое правительство с этим законом опередила в области аграрной реформы все балканские страны.²⁹ Однако новый закон о земле уже теоретически предназначался для предотвращения резкого перелома в преобразовании аграрных отношений, и это ещё яснее выявилось при осуществлении закона, когда к проведению в жизнь закона № 1072 приступили медленно и реализовали его лишь в малых масштабах.³⁰ Подготовка к участию Греции в интервенции в Советскую Россию ещё лучше доказала, что страной управляет — вместо революционного — контрреволюционное правительство. А об опережении балканских стран, несмотря на действительно относительно быстрое рождение (прежде других стран) новых буржуазных законов, не могло быть и речи потому, что Болгария, Румыния, а также часть югославских территорий в результате давних аграрных мероприятий по освобождению крестьян в итоге, как известно, сами опередили Грецию в процессе ликвидации турецких и иных правовых и аграрных отношений феодального типа (хотя и не во всём и не всегда).

Наконец, закон № 1072 определил работы по осуществлению реформы таким образом, что экспроприации подлежали все частные владения, государственная, поселковая и монастырская крупная земельная собственность, на которой собственник не ведёт собственного хозяйства, т. е. не располагает центральной пашней, барщинной землёй и т. д. Если собственник был одновременно и т. н. частным хозяином, то он по закону мог сохранить часть своей земли, которая, однако, не могла превысить 100 гектар. Крестьянам предписывалось в течение 30-и лет заплатить за полученную землю крупный выкуп. Имея в виду прежде всего развитие переселенческого движения, авторы закона предоставили крестьянам возможность переселиться на экспроприированные участки. Норму раздела правительство желало определить с помощью местных норм. Благодаря этим локальным нормам и сохранению в Македонии действия предыдущих декретов, уже тогда в греческой аграрной реформе нашла выражение определённая региональность, разделённость.

К этому надо добавить, что принятие нового закона греческие правители рассматривали и в качестве вербовочной акции для осуществления своих балканских, малоазиатских и российских завоевательных планов, поставив его на службу этой кампании.

Едва просохли чернила на законе № 1072, как правительство уже начало считать его пройденным этапом, однако теперь не с целью его расширения, а с целью сужения. Дело в том, что военные успехи Антанты усилили власть и влияние короля Александра и Венизелоса. Поражение в 1918 г. турецкой империи и её союзников укрепило позиции греческого империализма. По сравнению со штатами мирного времени необыкновенно разрослись греческие вооружённые силы. Однако больше всего кабинет Александра радовался тому, что в первой половине 1918 года против Советской России развернулась интервенция обоих военных блоков. Таким образом, в условиях второго крупного гре-

ческого политического кризиса XX. века, который начался в феврале 1917 г. и развивался дальше после Октябрьской революции, греческая реакция пришла в себя и обратилась к более жёсткой политике. Осуществление закона, начавшееся со скоростью улитки, было заморожено. Начали раздаваться голоса, что на самом деле реформа равнозначна лишь реформе эмпитеосиса, наследственной аренды.³¹ Внешне- и внутривнутриполитическая воинственность греческой олигархии, и без того склонной к бряцанию оружием, начиная с начала 1918 года, в тени внимания, и так медленно обращавшейся на Балканы в международной политике, вызвала более чем 2,5-годичный перерыв в истории достойных упоминания реформистских законов, причём за это время не было значительного продвижения и в выполнении закона № 1072. Хотя в Восточной Фракии Греция снова на время получила новые турецкие территории, находившиеся в неупорядоченном аграрном состоянии.

Неблагоприятному перелому способствовало то, что в Греции ещё не было аграрной партии с революционной в своей основе тенденцией, а главное то, что до конца 1918 года не возникло и единой социалистической партии. В значительном мере этим можно объяснить, что в 1918 г. Греция снова, и уже на более длительное время, как бы упустила свою назревавшую революцию, в то время как в Турции снова вспыхнула революция, в Болгарии произошло революционное восстание, и достигла высокого накала революция в среде бывших народов Австро-Венгрии. Так могло случиться, что в Турции, а также в Болгарии и в других славянских странах несколько быстрее официально развернула знамя коммунистическая партия, чем на греческой земле (правда, Греция всё же опередила Румынию и Чехословакию).

Однако «революция-сеятель», как приветствовал Октябрьскую революцию прогрессивный греческий публицист Никос Кастринос, всё новым и новыми стимулами закаляла греческое рабочее движение. К концу 1918. г. рабочие организации с социалистическими программами объединились в общий фронт, а в ноябре 1918 г., что указывает на значительное запоздание, впервые возникла рабочая партия, объединившая социалистические организации всей страны. Следовательно, особенность влияния Октябрьской революции в Греции состояла прежде всего в том, что оно сразу помогло греческому рабочему движению и движению аттарных пролетариев, вырваться из старых «кружковых» организационных форм, перейти из этапа «распылённости» и мало похожий на партийных объединений в мир современной рабочей политики. Ещё одна характерная черта: главное направление внутри впервые созданной общегреческой социалистической партии сформулировало свои цели в обстановке революционного настроения, что сделало возможным постепенное движение этой партии в направлении коммунистической партии. Заявления социалистов, сопровождавшие создание партии, также отражали то, что рождение новой партии окончательно изменило главную ориентацию греческой демократии в сторону революционной социалистической России, в противовес разнообразному влиянию анархизма, вместо устаревшей односторонней французской,

швейцарской и итальянской ориентации. В соответствии с этой радикализацией греческого рабочего движения Социалистическая рабочая партия Греции регулярно держала на повестке дня вопрос уничтожения без всяких ограничений в основном ещё не экспроприированного, не переданного крестьянам крупного землевладения. В соответствии с этим силы, создавшие социалистическую партию в ноябре 1918 г., несмотря на действующие постановления аграрного закона, вынуждены были на страницах одной из своих газет, «Ризоспастис»-а («Радикальный новатор», «Радикал»), имея в виду, в том числе, и цели грядущего социалистического общества, торопить действительную национализацию и передачу земли общинным объединениям сельскохозяйственных рабочих чифтликеров и монастырских крупных земельных владений. В 1919 г. 21-й параграф программы новой партии попрежнему оставался прочной базой радикального решения в области аграрной политики, особенно в условиях замороженной реформы. Тем более, что эти заявления обычно были связаны с похвалой Советской России. Вслед за образованием Венгерской Советской Республики и созданием югославской и болгарской коммунистических партий, в мае 1919 г., несмотря на демонстрацию оппортунистов, находившихся в рядах греческой партии, руководители партийного большинства опубликовали коммюнике о своём присоединении к III Интернационалу.³²

Хотя в упомянутых заявлениях по аграрной политике ещё односторонне ставили проблему сельскохозяйственных рабочих и не осветили более подробно задачи, связанные с мелкоземельным крестьянством, кроме того, формирование органических контактов с Коммунистическим Интернационалом затянулось до 1920 года, официальное основоположение Греческой коммунистической партии было связано именно с требованием конфискации чифтликеров, и СРПГ (ЭКЭ) и КПГ (ККЭ), то есть социалистическая партия и возникшая из неё коммунистическая партия, всё чаще правильно вступал в области аграрной политики. Несмотря на недостатки аграрной политики партии, это делалось гораздо чаще, чем можно судить до сих пор по воспоминаниям, сохранившимся в историческом сознании людей.

Усиливающаяся политическое наступление греческой монархии и олигархии нашло выражение в том, что после завершения мировой войны Греция приняла участие ещё в двух империалистических войнах. Греческая реакция тоже ответила по-своему на победу Октябрьской революции, история которой к концу 1917 — началу 1918 г. уже достигла своей особенно важного и настоящего пункта тяжести, этапа заложение первоначальных основ социалистического общества. Совершённые ранее приготовления привели в марте 1919 года к отправке греческих отрядов к советским территориям, чтобы в первых месяцах 1920 г. эти отряды приняли деятельное участие в сражениях в данном районе. До завершения этих сражений, т. н. украинской акции, наблюдалась особенно сильная борьба в греческой внутренней политике, в том числе в области управления аграрной политикой.

Пока сохранялась уверенность в победе интервентов, законодательные средства серьёзно не использовались. Главные надежды в этой области развеялись к концу первой половины 1920 года, когда греческие войска понесли тяжёлые потери. Поэтому снова начались обсуждения, причём не столько о выполнении аграрного закона, сколько о новых, дополнительных аграрных законах. К сентябрю 1920 года, когда полностью выявился крах южной интервенции, новые аграрные постановления, служившие, между прочим, и предвыборному маневрированию Венизелоса, снова внесли многообещающее оживление в реформистскую пропаганду правительства. Закон № 2521 сделал возможным в случае быстрого и полного выкупа предоставление немедленного права собственности, без включения промежуточного правового положения. Административные расходы по отчуждению не ставились в счёт крестьянству. Согласно другим аграрным законам 1920 года (№№ 2926, 2927), на тех южных территориях Греции, где крестьяне уже на протяжении многих поколений обрабатывали землю в качестве своей парцеллы, взятую в наследственную аренду, но за которую на основании емфитеосиса они были обязаны нести повинности и, таким образом, не считались собственниками, упомянутые земли были присуждены крестьянам — в 33-летней перспективе. Внутреннее противоречие этого распоряжения состояло в том, что за это время собственник мог расторгнуть арендный договор и лишить крестьян семейной земли. О трудностях выполнения прежних аграрных законов свидетельствовало то, что в Греции — в единственной из балканских стран — по-прежнему крестьяне, получившие землю, в обязательном порядке должны были создавать принудительные кооперативы в целях обеспечения выплаты выкупа и разрешения проблем, связанных с разделом земли. Административное оформление этого, как и кооперативное законодательство вообще, современники обвиняли — в негативном смысле — в византинизме.

Маневрирование не спасло Венизелоса ни от крайне правых, ни от левых. На его судьбе отозвались, на него падали назад, как потери на советском и вновь возникшем турецком фронте, так и неудачи аграрной реформы. Помимо того, что в ноябре 1920 года на выборах Венизелос потерпел поражение, он был оставлен на произвол судьбы и крайними правыми, поскольку, воспользовавшись смертью короля Александра, они восстановили во главе государства Константина, низложенного в 1917 г. Осуществивший этот перелом регент Кундуриотис, этот менее ловкий Хорти, вынудил Венизелоса покинуть страну, причём после этого последнего даже попытались убрать путём покушения, которое, однако, не удалось.

Осенью 1920 г., начавшейся во первых с официальных уступок, оживилась деятельность группы Папанастасиу. Именно тогда она начала превращаться в самостоятельную буржуазную группировку, по существу похожую на крестьянскую партию. Политическая атмосфера 1920-го года вызвала тоже к жизни и другое, вышедшее потом в 1922—23 гг. на первый план течение, которое уже и по названию было крестьян-

янской партией. Членом более консервативного крыла этого течения был тогда Милонас, один из известных «отцов» буржуазной реформы, в то время как среди менее консервативных членов крестьянской партии со временем появился Софианопулос.

Крайние правые считали очинь чрезмерным даже то, что Венизелос дал по необходимости. В конце 1920 г., мало считаясь с законностью, королевское правительство единственным манифестом сделало недействительными все всегреческие аграрные законы. Правда было сделано двусмысленное обещание экспроприировать все территории, на которые можно было рассчитывать в качестве земельного фонда, однако выполнение реформы практически мгновенно остановилось. Таким образом, реакция всё ещё могла реализовать свою в основном враждебную реформе точку зрения.

На полтора года наступил период самого спокойного перерыва. За это время после высадки в Турции греческих войск, намеревавшихся дать генеральное сражение, был решён исход и второй «добавочной» войны. Ещё более близорукий король Константин в ухудшившихся условиях продолжал империалистическую войну Венизелоса против новой Турции, союзницы советских республик. Развинчивая войну, греческое правительство по-прежнему злоупотребляло проблемой значительного греческого меньшинства в Малой Азии, а также памятью о прежних страданиях под властью султанов: на самом деле война ухудшила положение греческого меньшинства и в других территориях повсеместно увеличила страдания греков. Растянувшаяся на длительное время турецкая буржуазно-демократическая революция, которая, в отличие от других крупных революций того времени, лишь с опозданием привела к падению монархии, в конце концов всё-таки сумела одолеть интервентов: турки нанесли грекам огромное военное и даже в значительной степени политическое, благодаря республике, поражение. В это время одного из грехов греческого правительства было то, что ружиганием национализма оно подыгрывало турецким консервативным силам. Так, оно помогло затормозить турецкую революцию (и раньше оно не раз сговаривалось с османским правительством против славянских народов). Однако в сентябре 1922 г. последовала малоазиатская катастрофа греческой армии. Греция потеряла более миллиона человек, и война вынудила к бегству из турецких границ почти полтора миллиона греков.

Перед завершением малоазиатской катастрофы, когда уже чувствовалось влияние огромных поражений греков, и ветер болгарской земельной реформы 1920—1921 гг. тоже коснулся Греции, востроженной движением крестьян, занимавших землю, в июле 1922 г. изданием закона № 2922 правительству короля Константина к его стыду пришлось вернуться к легализации реформистского законодательства. Это было осуществлено им с характерной, опасной для него самой мелочностью: защищая свой авторитет, оно существенно сузило круг претендентов на землю по сравнению с венизелистскими законами 1920 г. и практически загородило дорогу аграрным пролета-

риям и беднейшим крестьянам. Чтобы принудительные кооперативы не смогли всё же дать землю этим слоям, они были ликвидированы. Было предписано произвести экспроприацию только на тех участках, находившихся в руках крупных арендаторов, где крестьянская аренда была осуществлена в мелких парцеллях.

Однако через несколько недель последовала упомянутая малоазиатская катастрофа. Не только стал очевидным промах в области аграрной политики, но пришлось покинуть страну и королю Константину. Подражавшие Венизелосу восставшие военные, Пластирас и игравшийся рядом с ним скорее марионетную роль, Гонатас, а также руководимый ими т. н. революционный комитет,³³ т. е. общество «двенадцати офицеров», от которого шла сильная нить и к путчистам греческого фашизма, делаясь захваченной ими властью, вступили в компромисс с наследником престола, коронованным под именем Георга II, и за неимением другого пути, снова приняли аграрный закон. Февральский закон 1923 года, хотя и оставил множество лазеек, исправил декрет предыдущего года, особенно безрезультатный из-за его скупости. В нём была признана действительность всех прежних земельных законов, в том числе постановлений 1920 года, чрезвычайно раздражавших ультраправые силы. Зато им отменялся закон 1922 г. С этого момента сельскохозяйственные рабочие снова могли попасть в списки претендентов на землю. Были восстановлены обязательные крестьянские кооперативы «арендаторов». В конце концов в этом законе под влиянием событий постановления в области земельной политики были сформулированы менее антикрестьянски. Поэтому этот закон, наряду с другими постановлениями того же года, сделали 1923 год вторым после 1917 г. и последним центральным годом всего греческого буржуазного законодательства в области аграрной реформы. В 1923 году начало раздачи земельной собственности не было поставлено в зависимость от немедленной выплаты всего выкупа.

Однако несколько сотен тысяч беженцев, хлынувших в Грецию после малоазиатского поражения, как раз на наиболее чувствительных с социальной точки зрения территориях, по существу сразу исказили земельную реформу: внутренняя реформа уже затонула в мероприятии, акции по расселению пришельцев, среди которых были не только бедные люди. На территории восточноевропейских капиталистических стран проведение земельные реформы нигде не сталкивались с внешней иммиграцией таких масштабов. Место прежней антиславянской (и антигреческой) колонизации турок заняла в Македонии и других местах в основном антиболгарская (и неоднократно ущемлявшая и интересы греков) колонизация, осуществляемая греческой местной монархией.¹

Видимо, судьба греческой реформы уже тогда *полностью* повернула бы в этом направлении, если бы целый ряд событий внутри и вне страны не сделал в 1923—24 гг. крайне неустойчивой политическую почву под ногами господствующих классов. Развитие немецкого политического кризиса, возникновение рабочих правительств в Тюрингии и

Саксонии, движение за всеобщую политическую забастовку начавшееся среди немецких рабочих, события, предшествовавшие гамбургскому восстанию, радикализация правительства крестьянской партии и успехи коммунистов в Болгарии в первые месяцы 1923 г. — всё это помогло развить демократический подъём в Греции. В августе 1923 г. под руководством греческой коммунистической партии развернулась всеобщая забастовка. Захваты земель здесь продолжались и затянулись до 1924—25 гг. Празднества по случаю столетней годовщины греческой войны за независимость XIX века в 1923—24 гг. создали более благоприятную атмосферу и со стороны интеллигенции, особенно в обстановке угроз Муссолини. В Греции — и по сравнению его международного влияния — были чрезвычайно сильны отклики на болгарское антифашистское восстание в сентябре 1923 г. В октябре в Афинах на массовом митинге приветствовали болгарских революционеров. И болгарское восстание, несмотря на своё поражение, стало всегреческим делом.³⁴ Ещё масла в огонь полили «немецкий Октябрь», восстания в Гамбурге и Кракове. Наконец, но не последний раз успешные международные переговоры Советской России, поставившие на повестку дня широкое международное признание советского правительства, создали дальнейшие предпосылки для демократического подъёма в Греции. Контрреволюционный путч генерала Метаксаса в октябре 1923 г. не сумел немедленно толкнуть правительство на крайние правые позиции. Английское правительство пока тоже без особого успеха поддерживало группу Гонатаса и звенело деньгами, выдвинув в декабре 1923 года перспективу предоставления займа для беженцев.³⁵ Король Георгий II, больше того, и Венизелос были вынуждены покинуть страну. В начале 1924 г. к власти пришло фигурировавшее тогда уже в качестве сложившейся партии под названием «Демократическая уния» одно из движений сильно крестьянского характера, возглавлявшееся Папанастасиу, получившим тяжёлый приговор от ультраправых сил. 8-го марта, следуя примеру западноевропейских держав, греческое правительство установило дипломатические отношения с Советской Россией, а 25-го марта была провозглашена первая греческая республика. Наряду с достижением практической аграрной реформы, ликвидация на довольно длительное время монархического правления стало одним из главнейших завоеваний греческих демократических движений между двумя мировыми войнами.

В это время лозунг действительной — здесь буржуазной — аграрной реформы и требование республики сильно переплелись в мелкобуржуазной политике. Однако не так, как памятным образом связывал эти два лозунга Цицерон в Риме: лозунги Цицерона означали скорее уже реакцию, носили негативный характер, в Греции эти требования сами по себе были скорее позитивными. Но в конечном итоге всё зависело от их осуществления. Буржуазные республики, как показывает пример Турции, легко эволюционировали в совершенно антидемократическом направлении, и в этом случае все серьёзные буржуазные реформы должны были отойти на задний план.

С этого времени относительно прочное существование республики в Греции становится позитивным моментом в сравнении с соседними, без исключения монархическими государствами Восточной Европы. Несмотря на это, греческая республика очень скоро двинулась по пути стимулируемой и со стороны Муссолини фашизации, что со временем завело и аграрную реформу в тупик.

Однако в 1924 г. греческие события ещё и несколько тормозили направляемую Цанковым и королём Борисом реакцию в Болгарии, дали толчок попытке осуществления албанской буржуазно-демократической революции 1924 года, к начальной стадии буржуазной аграрной реформы в Турции³⁶ и частичному осуществлению буржуазной аграрной реформы в Греции.

Изложенная выше история крайне неровного греческого реформенного законодательства указывает на то, что греческая аграрная реформа принадлежала к числу особенно хаотичных буржуазных акций в области земельной политики. С точки зрения осуществления законодательных постановлений картина упрощается. В области действительной экспроприации и раздачи земли важнейшим был 1923 г. Подобной ни раньше, в т. н. эпоху крупных политических аномалий, ни позже. Существенны были ещё 1924—1925 гг. Вместе они составили знаменитые «три года». Но уже и 1924 г. был лишь слабым продолжением, отблеском 1923 года. С 1927 г. наблюдается быстрый упадок практической реформистской деятельности.³⁷

Благодаря этим экспроприациям, к началу 30-х годов в земельный фонд, по приблизительным подсчётам, вошло всего около 16,5 млн. стремм (1. 650. 000 га) земли. Из них 5 млн. стремм из турецких чифтликот и 3 млн. из крупных земельных владений старых греческих территорий. То есть всего 8 млн. стремм земли происходило из частных владений. 8,5 млн. приходилось на долю территорий, находившихся в собственности государства. Общая площадь чифтликот и крупных земельных владений оценивалась в 13—15 млн. стремм, из которых на самом деле было роздано всего около 10 млн. стремм (ок. 1. млн. га).³⁸

Тенденциозность распределения земельной собственности превзошла всё, что наблюдалось в других восточноевропейских странах: в результате слияния расселения, то есть колонизация беженцев в внутренней земельной реформы, распределение новой собственности в первую очередь благоприятствовало беженцам. Это может быть отрицательно оценено не потому, что беженцы получили земельную собственность, а потому, что они лишили её большинство тех, из-за которых греческие власти были вынуждены начать эту акцию. Венгр Карой Ириг, которого цитировали в греческой буржуазной аграрной литературе, в одной из своих аграрно-статистических статей, написанной в начале 30-х гг., уже установил, что в Греции земельную собственность получили в первую очередь прибывшие извне беженцы. Карой Ириг в пересчёте на гектары оценивал площадь распределённой земли в 1. 440. 000 га, из которых беженцы, по его мнению, получили 840.000 га, в то время как живущему там крестьянству досталось всего 600.000 га. От этих цифр

мало отличаются поднейшие вычисления пропорций, произведённые современными греческими учёными-марксистами, согласно которым доля беженцев оценивается в 780.000 га, а доля местных крестьян — в 500.000 га.³⁹ На основании обоих подсчётов очевидно, что правительство под предлогом внутренней реформы занималось в первую очередь проблемой беженцев.

В таких провинциях, где необходимость реформы была чрезвычайно настоятельной, это соотношение было иногда ещё хуже. Например, в Македонии, особо известной остротой аграрной проблемы, по официальным данным, до середины 30-х гг. беженцы получили 4.100.280 стремм земли, в то время как местные жители и жители внутренней Греции — 1. 527. 577 стремм.⁴⁰

Последние годы аграрной реформы в Греции характеризовались выдвижением на апогея проблемы беженцев и потому, что до 1936 г. ещё больше возросло число греков, прибывших из Турции,⁴¹ и правительство по-прежнему не только не отделило аграрную реформу от этой проблемы, но гораздо сознательнее вытеснило первую второй. В Греции, вступившей на путь фашизма, проблема беженцев была одним из главных средств националистического подстрекания масс. В этой роли одним из главных ретроградных политических орудий правительства стал «Комитет по размещению беженцев» (греческое сокращение — ЭАП). Со времени малоазиатской катастрофы в журналистике, больше того, и в художественной литературе безмерная романтизация беженцев превратилась в официальную линию.⁴² Между тем судьба большинства беженцев была далеко не безоблачной. Многотысячные толпы греков, нередко ютившиеся под открытым небом и во временных помещениях, и редевшие от эпидемий, в результате длительной бюрократической волокиты лишь спустя долгое время попадали в списки лиц, имеющих право на землю. «Греческое перо опаснее даже турецкого ядра». — начали поговаривать греческие беженцы. Правда, вновь прибывшие не платили за землю, однако они были обложены под предлогом возмещения расходов по ликвидации старых земельных владений. В 1936 г. сокращение числа беженцев означало не то, что Турцию покинули все греки до последнего челоавека, а то, что многие остались там, почувствовав тогда более усиливавшийся напор греческого фашизма.

С точки зрения осуществления аграрной реформы заслуживает упоминания, что при таком распределении на полученной земле создать действительно новые крестьянские хозяйства могли прежде всего беженцы.

Конечную историю греческого реформенного аграрного законодательства между двумя мировыми войнами составляют уже только мелкие побочные законы. К их числу относится несколько постановлений 1924 г., которые на время продолжают, больше того, в некоторых частностях формально даже углубляют линию 1923 г., не имея при этом на практике значение, сходное со значением реализации законодательства предыдущего года (закон от 4-го сентября 1924 г.).

Атмосфера и направление дальнейших законодательных актов (напр. закона от 24-го ноября 1925 г.) определил реакционный поворот в Греции, открывший вторую половину двадцатых годов. Победа болгарского фашизма в 1924 г. неблагоприятно отозвалась на положении в Греции, а в 1925 г. Пангалос, не в последнюю очередь благодаря помощи Италии и западных великих держав, сумел осуществить реакционный путч фашистского направления, на время запретив коммунистическую партию. Пангалос и сменивший его в 1926 г. Кондилис требовали от аграрного законодательства прежде всего смягчения материальных проблем правящих классов. В 1925 г. на это указывала реализация прежнего закона о сельскохозяйственных палатах, носивших характер органов защиты интересов состоятельных аграриев, а в 1926 г. — появление пришедшего на смену прежнему земельному кодексу нового буржуазного кодекса, обобщающего аграрную реформу, аграрного кодекса, который возложил на крестьян расходы по урегулированию прав собственности.⁴³ Наконец, в 1927 г. сельскохозяйственный банк, созданный для финансового обеспечения реформы, привёл в более непосредственную зависимость от себя председателей крестьянских кооперативов (по совету Венизелоса, таким образом, чтобы крестьянские представители всё же были ограничены в делах банка). Разрешив экспроприацию поместий только на основании порядка исключительности, конституция 1927 г. способствовала свёртыванию реформы, а также дала возможность владельцам поместий в случае нескольких центров господства, сохранить в собственности имущество, превышающее прежнюю норму. За такие постановления, а также за принятие чрезвычайного закона 1929 г., принудившего коммунистическую партию на длительное время уйти в подполье — чему способствовал монархистско-фашистский путч в Югославии —, буржуазная публицистика с удовлетворением назвала 1925—1929 года эпохой стабилизации, сбора средств. Для большей части получившего и не получившего земельную собственность крестьянства эта эпоха была временем особенно интенсивного обеднения и роста долгов. Тогда усилился народный гнев, направленный на сохранившиеся поместные центры. Разрывающихся мировой экономический кризис лишь обострил эти проблемы.

Хотя с 1926 г. венизеллисты и движение, возглавляемое Папанастасиу, принявшее с этого года название крестьянской и рабочей партии, значительно усилились в противовес крайним диктаторским группировкам, как укрепились и коммунистическая партия, число крестьянских членов которой резко возросло, официальное направление аграрной политики уже не изменилось. Большей частью воинствующие антимакистские греческие крестьянские течения своей раздробленностью напоминали польские аграрные течения (в 1928 г. крестьянская партия раскололась надвое), три самостоятельные группировки в начале тридцатых годов особенно доказали свою непригодность к решительному выступлению. Они смогли создать единую партию ни под руководством левого, ни под руководством правого крыла (в Польше это в конце концов удалось под руководством правых). С

1933 г. страной правил уже блок, стремившийся к непосредственной реставрации монархии. Выяснилось, что греческая монархия лишь временно оказалась «слабее» династий северных соседей, а именно: пока она не оправилась от добавочной потери престижа, связанной с полным поражением в «добавочных войнах», пока не сумела несколько уравновесить особенную внешнеполитическую раздробленность страны, — которая мешала функционированию более развитого греческого политического «переложного» хозяйства. В 1935 г. было восстановлено королевство Георгия II, что в августе 1936 г. открыло путь более полной диктатуре Метаксаса, носившей монархистско-фашистский характер, и соответствующей ей аграрной политике.

Именно благодаря его сельскохозяйственной политике в буржуазной литературе по аграрной истории этот режим 4-го августа оценивается в качестве «особенно успешного аграрийного» периода, «нового пути»⁴⁴ В своей программе представители аграрной политики греческого фашизма, которые всё же не могли выступить с требованием восстановления турецких чифтликеров, концентрировали усилия отчасти на защите сохранившихся центров крупного землевладения, находившихся в собственности греков, и отчасти на возвращении греческих поместий. Таким образом, их политика была направлена против трудящегося крестьянства, дала передышку крупным землевладельцам-агряриям. В соответствии с положением в Греции эта фашистская аграрология, нахулав также слабую сторону венизелистов, поставила на передний план своей пропаганды проблему сельского кредита (пока на других местах Восточной Европы поставили на передний план проблему превосходства великих помещиных аграрных хозяйств). С помощью аграрного закона № 1154 1938 года, а также других аграрных постановлений Метаксас попытался приблизить к фашистскому государству утопающее в долгах крестьянство, побуждая последнее к использованию кредитов и действительно предоставив определённые, небольшие кредиты. Закон № 1154 затронул этот большой вопрос через посредством обязательных крестьянских кооперативов. По мнению поздних защитников Метаксаса, это было совершенно новым шагом. Между тем, как мы видели, принудительные кооперативы с самого начала поддерживали контакты с источниками банковых кредитов, их зависимость с течением времени росла и именно во время правления Метаксаса достигла апогея. Конечный итог фашистской аграрной политики — закончение всякой раздачи земельной собственности, рост долгов трудящегося крестьянства, в определённом направлении усиление международной зависимости страны. Используя смерть Папанастасиу в 1937 г., Метаксас стремился уничтожить все крестьянские организации, несущие прогрессивные элементы, что могло быть осуществлено тем более результативно, что либеральные течения и большинство мелкобуржуазных направлений так или иначе были виноваты в приходе фашизма к власти. В эту эпоху, перепрыгнувшую избирательные периоды, «минипарламент» Метаксаса и Георгия II⁴⁵ своей деятельностью знаменовал период расцвета аграрной реакции.

Итоговый баланс греческой буржуазной аграрной реформы далеко не оправдал те ожидания, которые связывались с ней, даже со стороны буржуазных сил, в надежде на существенное изменение жизни крестьянства, рост его материального благосостояния. Раздел затронул всего лишь около 20% сельскохозяйственной территории.⁴⁶ На практике до середины 30-х годов, тоже по максимальным оценкам, было создано около 250.000 новых крестьянских участков, что, если принять во внимание сотни тысяч переселившихся беженцев, кажется непропорционально ограниченным.⁴⁷ Из этого ясно, что и упомянутые 20% большей частью означают предоставление только права собственности, а не земельного участка, или означают обмен собственности. Если рассматривать розданные территории, площадь которых, округляя, выражается в I млн. га, то ограниченность этой раздачи хорошо бросается в глаза, особенно учитывая, что только начавшаяся турецкая реформа между двумя мировыми войнами привела к раздаче 1,1—1,2, мл. га земли (хотя и из гораздо большей сельскохозяйственной и пахотной территории). В Греции итоги реформы были скромнее, чем в Польше и даже буржуазной Латвии.

К важнейшим характерным чертам баланса этой дорогой реформы относится то, что она не была завершена,⁴⁸ что положение большинства крестьянства, даже по признанию буржуазной литературы, лишь внешне изменилось к лучшему,⁴⁹ что во многих отношениях форма была простой видимостью.⁵⁰

Об образе мыслей исполнителей греческой реформы свидетельствует и то, что, когда они подвели итоги, их первыми словами были разные самозащитные объяснения. Они защищали свою реформу тем, что законодатели были вынуждены зайти так далеко лишь под давлением обстоятельств, вопреки своим убеждениям.⁵¹

Но если это было так, и действительно это произошло таким образом, то почему знаток восточноевропейских реформ Серинг, говоря о последствиях, писал о греческом «чуде», почему он представлял дело так, как будто греческая реформа была хорошо завершённым и особенно способствовавшим повышению благосостояния мероприятием в области земельной политики?⁵²

Собственно говоря, концепция греческого «чуда» вытекает из буржуазных и мелкобуржуазных аграрнополитических представлений. Согласно этим представлениям, решение аграрного вопроса заключается просто в исчезновении статистической категории крупного землевладения и повсеместном распространении мелкой и крупной крестьянской собственности. Безосновательно предполагается, что эти изменения отношений собственности сами по себе и ещё в рамках капиталистического общества обеспечат всеобщее благоденствие крестьян и быстрое развитие сельского хозяйства. За пределы этого понимания не вышел и Серинг. Между двумя мировыми войнами лишь коммунистические партии и их союзники указали на то, что успокоительное решение аграрного вопроса невозможно без коренного социалистического преобразования общества и, следовательно, без социалистической

индустриализации. Последний фактор играет решающую роль особенно в развитии восточноевропейского сельского хозяйства. Те, кто с буржуазных позиций рассматривают результаты греческой реформы как греческое «чудо», в лучшем случае довольствуются регистрацией того, что в этой реформе получила место заключительная стадия объективно радикального (из-за государственных перемен в Турции), затрагивающего право собственности на землю практического освобождения крестьян, уничтожения чифтликеров; что в результате расширения прежнего, очинь значительного слоя греческого «сводного крестьянства», реформы собственности, коснувшейся давних наследственных арендаторов парцелл и масс простых мелких арендаторов, эта акция привела к лучшей конечной статистике, чем реформы в некоторых странах Восточной Европы.

Однако значительное сокращение категории крупного землевладения не однозначно всеобщему благоденствию крестьянства. Даже зарубежным буржуазным наблюдателям греческого сельского хозяйства приходится признать, что Греция и бедность крестьян отнюдь не перестали быть родственными понятиями,⁵³ что «заклѳенная в мрамор нищета» не уменьшилась,⁵⁴ больше того, единственно сами экономические причины привели к увеличению числа бедного, неимущего крестьянства, усилению эмиграции за границу, увеличению численности греческих рабочих в Западной Европе, что отчасти означало бездомную судьбу. Таким образом аграрный вопрос, несмотря на урегулирование его отдельных аспектов, не был решѳн буржуазной аграрной реформой. Она и не смогла бы решить греческий аграрный вопрос, осложнѳнный крайне существенными капиталистическими элементами и технической отсталостью, даже если бы благодаря какому-нибудь чуду еѳ осуществили бы последовательно.

Но крупные помещичьи земельные участки и не исчезли настолько бесследно, насколько это утверждаетсѳ идеализаторами буржуазной аграрной реформы. Например, у греческого короля из его владений, первоначально составлявших 25.000 га (гораздо больше, чем у болгарского короля), и в дальнейшем сохранилось несколько сотен гектар в маноладских землях. По отнюдь не строгим подсѳтам буржуазных учѳных, в 1951 г. в руках государства, церкви и крупных землевладельцев оставалось около 600 000 га земли, которую можно было экспроприировать.⁵⁵ Сотни прежних землевладельцев сохранили свои ценные центральные поместья, которые и с тех пор лишь отчасти исчезли. (Как раньше корабельные предприниматели и банкиры вкладывали часть своих капиталов в сельское хозяйство, так в то время множество помещиков перевело увеличившиесѳ капиталы в промышленность и торговлю, сумев тем самым в определѳнном отношении даже увеличить, или по крайней мере сохранить своѳ политическое влияние. В ретроградных политических переменах, происшедших с тех пор в Греции, большую роль играло и то, что в этой стране у власти остался правящий класс, общественно более силный, чем в большинстве нѳх балканских государств).

Другой замаскированной в буржуазной литературе линией социальной непоследовательности буржуазной реформы является односторонность наделения крестьян землёй в пользу богатого крестьянства. Предоставление права собственности и раздел земли не только не смягчили неравенства между слоями крестьянства, но во многих отношениях даже сами обострили его. Согласно земельной статистике 1951 г., 37.100 земельных владений располагали не менее 10 га земли, держа в руках 28,1% плодородной территории, в то время как на 1.275.000 хозяйств приходилось 71,9%.⁵⁶ В этом контрасте находит своё выражение уже не столько противоречие между крупным и мелким землевладением, сколько различное положение зажиточного крестьянства, образующего относительно маленький слой-класс, и крестьянства, в большинстве своём располагающего карликовыми участками.⁵⁷

И на плечи этих широких слоёв бедного крестьянства, за исключением временно пользовавшихся налоговыми льготами, наряду со значительным выкупом, по-прежнему ложились тяготы высоких и непропорциональных государственных налогов. Им пришлось позже оплатить консервативную политическую и военную авантюру гражданской войны. Им пришлось всеми силами бороться за сохранение каждой стреммы земли, не говоря о приобретении новых. Молодёжь бедного крестьянства больше всех страдала от безземелия, отсутствия местной промышленности и привилегированного характера высшего образования. Для них оставались мечтой свобода организаций и равенство в политической и общественной жизни, на них по-прежнему давил устаревший закон о кооперативах, больше того, само крестьянское производство часто ставилось под угрозу, под натиском нищеты. Эти трудности играли роль в том, что в Греции по сравнению с 1928 г. почти наполовину сократилась рождаемость, в то время как эмиграция из Греции превысила половину естественного прироста населения.

В качестве совместного действия побочных следствий реформ и опустошений военных лет можно обратить внимание на проблемы греческого животноводства, а также на определённое сокращение объёма сельскохозяйственного экспорта в пореформенные годы. В то же время не наблюдается такого сокращения посевной площади и растениеводства греческого сельского хозяйства, как в странах с некогда более значительным барщинным производством, больше того, в этой области, как и перед реформой, наблюдается медленный рост. Сохранился недостаток дерева, леса, плохая производственная структура, нехватка кредитов.

Говоря о всём трудящемся крестьянстве в целом, нужно сказать, что материальная и социальная безрезультатность греческой реформы играет роль в том, что буржуазные историки нередко считают возможным пропустить это официальное земельное мероприятие при изложении истории страны.⁵⁸

На это они имеют и ту причину, что данное развитие событий в конце концов существенно увеличило политическое влияние греческой коммунистической партии. Эта партия уже во время издания венизелистского аграрного закона в сентябре 1920 г. обратилась к крестьянству

с действенным призывом. В нём свержение хозяев чифтликот связывалось с уничтожением монархии, давая тем самым решительный толчок развёртывающемуся республиканскому движению. Партия оказалась способной уже в начале 20-ых годов решительно критиковать все оттенки буржуазной политики вообще и в связи с очковитательством вокруг земельной реформы. Так, она требовала удаления не только венизелистов, но и коалиции демократического союза, со временем назвав по имени Папанастасиу. Эта критика не прекратилась и перед лицом нападков союзника буржуазных партий, обособившихся в находившейся в меньшинстве социалистической партии *правых* социалистов, часто дававших простор фашизму.

Особой заслугой руководителей греческого революционного движения является то, что они относительно рано распознали аграрно-политическое наступление фашизма, которое велось с различных сторон. Особенно сильно это чувствовалось в 1924 г., когда партия видела, что фашизм использует в качестве прикрытия даже республику, поэтому и с помощью своей аграрной политики она бичевала направление «фашистской демократии». Именно в это время всё чаще появлявшиеся аграрнополитические документы коммунистов указывали на распространяющуюся фашистскую политику как на оплот защиты чифтликот.

Если вначале требование перехода чифтликот в общественную собственность не всегда сочеталось у коммунистической партии совершенно недвусмысленно с целью революции и поэтому многие формулировки могли показаться просто радикальной буржуазно-демократической платформой, то по мере развития большевизации, во время принятия курса на борьбу с фашизмом революционная перспектива стала ясной и нашла конкретную формулировку в политике партии. Например, в том удачном варианте, когда перспектива греческого обновления непосредственно связывалась с поддержкой революционных устремлений болгарской демократии. В то же время всё сильнее росла массовость сельской деятельности греческой партии. С 1923 г. этому способствовал и основной лозунг рабоче-крестьянского правительства, выведенный непосредственно из важнейшего образца, опыта советской общественной жизни. Прогрессирующий анализ различных классовых слоёв крестьянства, в том числе более конкретное определение работы, проводимой среди середняков, больше того, среди крестьянбеженцев в значительной степени увеличили силу рабочего движения. К началу тридцатых годов КПГ, можно сказать, окончательно закрепила свою справедливо критическую позицию по отношению к буржуазной земельной реформе, прочно используя наиболее действенную возможность критики: в качестве первого шага требовала хотя бы полного осуществления буржуазного закона. В это время уже не случалось того, чтобы со стороны партии высказывались сомнения в возможности какой-либо земельной реформы в рамках буржуазного общества, наоборот, именно по этой причине в документах опускались и упоминания о полуреформах. Это было позитивным шагом вперёд по сравнению с одной из прежних со-

циал-демократических систем взглядов в области аграрной политики.

Хотя в двадцатых годах перспективы социалистического переустройства сельского хозяйства лишь туманно проступали в заявлениях КППГ (в том числе из-за затянувшейся полной коллективизации в СССР), всё же к началу тридцатых годов партия вступая в период аграрнополитических успехов исторического значения. Она сумела выработать многостороннюю, приспособленную к положению в Греции аграрную программу, сделала в аграрной политике целый ряд верных практических шагов, достигнув больших результатов. К этому нужно добавить, что после 1934 г., благодаря изменению политики, осуществлённому Тануласом и его товарищами, а позже самим Софианопулосом, одним из радикальных руководителей крестьянской партии, левое крыло крестьянской партии заключило настоящие союзнические соглашения с коммунистической партией. Их краеугольным камнем было доведение до конца прерванной экспроприации чифтликеров. В хорошо обоснованной таким образом коалиции народного фронта на переднем плане после КППГ получили место также присоединившиеся левые социалдемократические группы, что свидетельствовало о том, что коммунистическая партия, скорректировав определённые ошибки прошлого, желала заклеить среди социал-демократов только действительных пособников фашизма. Было обеспечено место многим членам демократического союза из партии Папанастасиу (больше того, и некоторым руководителям либеральной партии в противовес «ортодоксальным» венизелистам, по примеру Софулиса принимавшим до неузнаваемости реакционный облик). Таким образом, КППГ не только укрепила своё руководящее положение в лагере греческой демократии, но и совершенно практическим образом сосредоточила в своих руках руководство революционной крестьянской политикой.⁵⁹

Всё это происходило в рамках гибкого, широкого антифашистского объединения, порвавшего с целым рядом устаревших или ошибочных методов.⁶⁰

С точки зрения корректив, увеличивающих действенность коммунистической аграрной политики, одним из важнейших был период с января по апрель 1934 г., когда проходили VI пленум ЦК и V съезд партии,⁶¹ причём на долю VI пленума выпала роль исторической увертюры.⁶²

Отсюда, с одной стороны, вытекала пользовавшаяся симпатией коммунистов попытка создания единой *радикальной* крестьянской партии, а также цель широкого раздела земли, сменившая требование немедленной и всеобщей передачи земли в общественную собственность. С другой стороны, в основном этим же временем датируется выдвижение на видное место и тогда уже с полной силой подчёркнутая перспективная пропаганда крупного перспективного плана социалистической, коллективной реорганизации греческого сельского хозяйства, на основании успешно завершённой коллективизации в СССР.

Успехи фашизма означали лишь временную и неполную победу реакции. С прекращением практического раздела земли Метаксас и

Георг II вырвали из рук наиболее действенное средство аграрной политики. Они практически почти же уступили лозунг земельной реформ коммунистической партии и её союзникам. Во времена 4-го августа 1936 года КПП была начеку: в области аграрной политики фашизм в первую очередь характеризовался активной реставрацией греческих чифтликеров. Негативный символ чифтликеров занял в политике КПП более важное место, чем когда бы то ни было. Коммунисты называли режим гитлеровского агента, Метаксаса «буржуазно-чифтликским», миром чифтликских влияний, чифтликских господ. В то же время от их внимания не ускользнуло и то, что режим 4-го августа был совместный властью игравшей решающую роль финансовой олигархии и монархистов-агаринов, и что это сплетение именно в Греции с особой силой наложило печать на новый этап аграрной политики. Партия держала на повестке дня критику направленной на обман масс фашистской банковской политики и благодаря этому смогла отвлечь от правительства всё большее число временно введённых в заблуждение крестьян.

Со времени салоникской кровавой бойни 1936 г., где в новых акциях народного фронта крестьяне сражались уже вместе с рабочими, во второй половине десятилетия коммунистическая партия крепко держала под общим руководством массовые движения. Эта руководящая роль достигла своего апогея в годы второй мировой войны, во время создания греческого партизанского государства. Поскольку значительная часть коллаборационистских лидеров вышла из числа бывших помещиков, массовая борьба против немецких фашистов и их союзников практически во многих местах начал выливаться в расправу с греческими «хозяевами чифтликеров». На государственном уровне, официально концепция революционной греческой земельной реформы, сформулированная коммунистами, впервые появилась в немножко покрытом намёком на новый общественный порядок, возникнувший после освобождения, месте с требованием сельского самоуправления в 1944 г., в мартовской программе РЕЕА, выполнявшего функцию преемственного правительства,⁶³ а затем открыто — в документах ЕАМ, в ходе широкой сельской кооперативной агитации 1945—1946 гг.⁶⁴ Позже она была выражена во время гражданской войны в программе временного народного демократического греческого правительства, в той классической форме, в какой она нам известна из правительственной политики других народно-демократических революций Восточной Европы. Закон № 3 греческого народно-демократического законодательства 1947 г. занимался исключительно земельным вопросом. В его первой статье говорилось, что в новом государстве земля принадлежит, тому кто её обрабатывает. Во второй статье содержалось распоряжение об увеличении участков малоземельных семей до размеров, минимально необходимых для удовлетворения потребностей. Новый закон позаботился о новом урегулировании отношений между Сельскохозяйственным банком и опутанным долгами крестьянством. Новая конституция, введённая в том же году временным революционным правительством, нанесла удар по опоре слоя прежних землевладельцев ещё и тем, что лишила престола Глюкс-

бургскую династию.⁶⁵ Хотя правительство Маркоса обещало осуществить эту полную реформу после победы, на территориях, практически годами контролируемых ЕАМ, во многих местах были сделаны и шаги в направлении проведения реформы в жизнь.

Однако в интересующую нас эпоху драматические аграрные битвы в Греции завершились необыкновенным образом, иначе, чем в истории других капиталистических стран Восточной Европы.

В конце концов, несмотря на усилия греческой демократии, здесь не смогла развернуться революционная аграрная реформа: иностранное вмешательство, а также навязанная реакцией гражданская война преградили путь не только народно-демократической революции, но вместе с ней и настоящему, давно назревшему, крупному аграрному перевороту.

Завершение эпохи до 1945 г. необычно и потому, что жизнь снова беспощадно поставила оставшиеся нерешёнными аграрные проблемы. Поэтому с 1951 г. нужно было обязательно продолжить определённое смягчение земельного голода, и сам факт этой повторной буржуазной «земельной реформы» доказал незавершённость предыдущей реформы. (Между прочим, *это* новое, бледное мероприятие в области земельной политики, сопровождавшееся небольшим разделом участков, действительно едза ли может быть названо всеобъемлющей реформой).

С возвращением прежнего монархо-фашистского режима в учреждениях, вернулся арсенал средств старой консервативной крестьянской политики и вернулись старые группировки зажиточных крестьян, аграрной буржуазии. Преемственность может быть установлена даже в составе действующих лиц. По иронии истории новую «реформу» нужно было в основном возложить на плечи тех, кто однажды уже «полностью разрешили аграрный вопрос». Во время реакционного перелома сотни тысяч крестьян, охваченных революционными настроениями, были переведены в города.⁶⁶

И для коммунистической партии было необычным это продолжение. В соседстве социализма было по истине архаической задачей продолжение в Греции борьбы на прежнюю революционную аграрную реформу народного фронта. Между тем, в соответствии с экономическими переменами, нужно было включить в аграрную программу и такие антикапиталистические элементы, которые раньше были едва намечены или вообще не фигурировали. Ступенчатая поддержка крестьянских слоёв в области цен, местная промышленность, лучше приспособляющаяся к сельскому хозяйству, усиленное строительство каналов, преодоление нехватки дерева, изменение структуры производственной культуры, расширение обрабатываемой территории, торговля с социалистическими странами⁶⁷ — вот несколько элементов из этого усложнившегося демократического аграрного арсенала.

Однако реакционные упущения эпохи между двумя мировыми войнами и сегодня должны выражаться в желаниях греческого крестьянства: полное уничтожение «чифтликеров» иностранцев и вообще всех ещё существующих крупных земельных владений — это такое актуаль-

ное требование, которое красноречивее всего выносит приговор венизелистской буржуазной политики в области земельной реформы, говорит о море социальной боли, вызванной буржуазной общественной системой и сверх восточноевропейской «нормы» обрушившейся на Грецию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Νίκος Γ. Σβορώνος: *Ἐπὶ σκοπῶν τῆς Νεοελληνικῆς Ἱστορίας*. Ἀθήνα. 1976, 105. I. В то же время преувеличение размеров крупных земельных владений иногда может служить плохим политическим целям. Холлман, стараясь показать Венизелоса революционером, рисует аграрную предисторию ещё более мрачной, чем она была на самом деле. Он предполагает большую степень сохранения крупного землевладения, считая, что от турецкой эпохи до 1909 г. нигде ничего не изменилось. Поэтому он обходит вопрос о том, что же произошло на ранее освободившейся греческой территории (в Старой Греции). А в отношении Фессалии он смотрит лишь текст греко-турецкой конвенции 1881 г., не делая даже попытки выяснить, какие изменения произошли в последующие десятилетия. Со времён Венизелоса события представляются ему в розовом свете. Ср.: *Hollmann, (A. X.): Die Agrarreform, Flüchtlingskolonization und die Entwicklung der Landwirtschaft in Griechenland. Berichte über Landwirtschaft. Band XIII. 1930. Heft 1. 272–274. 1.* — Ср.: *August Heisenberg: Neugriechenland, Leipzig und Berlin, 1919. 72–73. p.*

² См. напр.: *Μουσεῖο, Π. Π.* Аграрные отношения в современной Турции. М., 1960, с. 23.

Однако в случае Греции особенно проблематично выражение пропорций крупного землевладения одной цифрой, ведь в начале столетия также произошли значительные территориальные перемены. Выведение соответствующей «подвижной цифровой шкалы» пока остаётся задачей исследователей.

³ См.: *Stavros Mariadis: Die Entwicklung der Agrarfrage in Griechenland seit Entstehung des neugriechischen Staates (1821) bis zum zweiten Weltkrieg und ihre Einflüsse auf das Wirtschafts- und Sozialleben. Bonn 1966.*

Эта сторона греческих особенностей лучше видна из одной австрийской публикации начала века. См.: *Joseph Grunzel: Bericht über die wirtschaftliche Verhältnisse Griechenlands. 1906. 2. p.*

С другой стороны, см.: *Kádár B.: Specific Features of Development of South-European Countries. Acta Oeconomica. Vol. 15. (2). 1975.*

⁴ Η μεταπολεμική εξέλιξη της Σληννο γεωργικῆς οἰκοζυμίας καὶ ἐπὶ αὐτῆς ἐπιδρασίς της αὐροτικῆς πολιτικῆς, *Ἰπὸ Μπαμπῆ Βασ, Αλιβιζατὸν Ἀθήναι. 1935. 17. p.*

Аливизатос знал о 1640 чифтליках, основывая на них свою оценку. Поскольку другие публикуют ещё более высокие оценки (вплоть до 2259), было бы наверняка ошибкой относить ко всей Греции находящуюся в обороте цифру в 848 чифтликов. См.: *Janisz Dellagrammatikas Politisz — Keszérü, András: Görögország. Бр., 1967. 20. p.*

Как мы упоминали во введении к серии наших статей, при официальном подведении итогов реформы зарегистрировали экспроприацию 1720 чифтликов. В отношении т. н. самостоятельных чифтликов данные ещё выше, если учесть и мелкие чифтлики. В последнем случае 419 чифтликов, считающихся самостоятельными соотносятся с оценкой в 2259 чифтликов.

⁵ См.: *Babis Basile Alivisatos: La réforme agraire en Grèce au point de vue économique et social. Paris 1932. 191. p.*

⁶ О. Г. Инджикян: Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977, с. 204. Об особенностях балканских аграрных отношений ещё см.: *Dolmányos István: Der Platz der balkanischen Bodenreformen im Rahmen der osteuropäischen Agrarreformserie (1917–1939) Sofia 1970. Separatum. Actes du premier Congrès International des Études Balkaniques et Sud-East Européennes. V. 39–44. p.*

⁷ Инджикян О. Г. Указ. соч., с. 61.

- ⁸ Там же, сс. 62, 71–72. На фессалийские, особенно на окружающие Лариссу крупные земельные владения привозили сезонных рабочих для уборки урожая из внутренних областей Греции и из Македонии. См.: Görögország közgazdasági viszonyai 1901-ben. *Bors Emil tanulmányúti jelentése*. Bp., 1902. 18. p.
- ⁹ Там же, сс. 61, 63.
- О составе македонских помещиков в таком же смысле говорится в греческом консульском донесении от 1909 г. См.: Македония. Сборник документов и материалов. Отв. ред. *Димитр Косев, Христо Христов, Николай Тодоров, Валентин Станков*. София, 1980, с. 629.
- ¹⁰ *Αλιβεϊζατος* 1935, 9. p.
- ¹¹ *Erich Eiswaldt: Die Wirtschaft Griechenlands. Ein Vergleich mit der Vorkriegszeit*. München–Leipzig. 1928. 15. p.
- Численное распределение чифтликот: в присоединённых к Греции областях Македонии – 818, в Фессалии – 584, в Эпире – 410 крупных чифтликот. Среди них находились крупные поместья площадью 500–2000 га. Особым понятием стали 40 фессалийских поместий. См.: *Stavros Mariadis*, op. cit., pp. 62, 144 (вслед за Холлманом). О площади обрабатываемой земли в странах Восточной Европы и неблагоприятном в этом отношении положении Греции см.: *Hedwig Meyer: Das Landproblem in Südosteuropa. Berichte über Landwirtschaft. Neue Folge. Band XVII*. Berlin 1933.
- ¹² *Arthur Wauters: La réforme agraire en Europe*. Bruxelles 1928. 84–85. p.
- О дореформенном состоянии греческого сельского хозяйства см. ещё: *Panajotis A. Decasos: Die Landwirtschaft im heutigen Griechenland*. Berlin. 1904. 36–55. p.; *Adolf Struck: Zur Landeskunde von Griechenland*. Frankfurt a. M. 1912. 82–114.
- ¹³ О промышленном и банковском развитии, об отдельных элементах, напоминающих явления в развитых странах, и об особых трудностях см.: *Xenophon Zolotas: Griechenland auf dem Wege zur Industrialisierung*. 1926. Leipzig–Berlin. 137–139. p.; *Γιάννης Κ. Κορδάτος: Εισαγωγή εις της Ελληνικής κεφαλαιοκρατίας*, Αθήνα. 1930.
- ¹⁴ *Γιούργη λαμπρινος: Η Μονοκρία στην 'Ελλάδα*. 1965.
- ¹⁵ С. Тимов: Экономика Восточной Европы. Аграризация или индустриализация? М.–Л., 1931, с. 177.
- ¹⁶ См.: *Σβωρονος*. Op. cit., 110. p.
- ¹⁷ Прогрессивный обзор событий в Ферисо см.: *Γιάννης Κ. Κορδάτος: Ιστορία της νεώτερης 'Ελλάδας*. Τόμ. XIII. Αθήνα. 1958. 55–64. p.
- ¹⁸ Шпилькова В. И.: Младотурецкая революция 1908–1909 гг. М., 1977; Напротив, один из преподавателей Гарвардского университета не замечает влияния русских событий 1905 г. В Греции при посредстве турецкой революции. *D. George Kousoulas: Modern Greece. Profile of a Nation*. New York. 1974. 87, 89. p.
- ¹⁹ *Kostas G. Michalis: Die neuere Agrar- und Siedlungsgesetzgebung Griechenlands. Die agrarischen Umwälzungen im ausserrussischen Osteuropa. Ein Sammelwerk herausgeben und eingeleitet von Professor M. Sering*. Berlin–Leipzig. 1930. 471–473. p. (Приблизительный подсчёт). Во время планирования этой реформы заранее рассчитывали на то, что, распространив её позже на территорию, оставшуюся под властью турок, удастся контркаррировать там движение значительного болгарского крестьянского населения.
- ²⁰ См.: *Αλιβεϊζατος*. 1935. 172. p.
- А Матиопулос, Кусулас и Вакалопулоас бесосновательно произвели в ранг греческой революции события 1909 г. *Basil P.(etros) Mathiopoulos: Die Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in Griechenland*. Hannover. 1961. 73. p.; *Kousoulas*, op. cit. 94. p.; *Apostolos Vacalopoulos: Histoire de la Grèce moderne*. Saint–Just–la–Pendue. 1975. 211. p. Напротив, итальянская буржуазная наука перенимает предположение о буржуазной революции только в кавычках. *Mario Vitti: Storia della letteratura neogreca*. Torino. 1971. 332. p.
- ²¹ См.: *Γιάννης Κορδάτος: Ιστορία της νεοελληνικής λογοτεχνίας*. ('Απο τὸ 1453 ὡς τὸ 1961). τόμος β'. Αθήνα. 1962. 602., 601. p.
- Об общем, создающем атмосферу влияния промышленных центров того времени и социализма, о знакомстве в Греции со столыпинской аграрной реформой, о дешёвом отражении румынского восстания крестьян и о проблеме фессалийских

поместий Запиоса (Задаса), экспроприированных в индивидуальном порядке в 1912 г., см.: Г. Χρηστάκη—Ζωγράφου: Το αγροτικόν ζήτημα εν Θεσσαλία. Εν Αθήναις. 1911. 68., 58., 15—16., 59., 78—79. p.

²¹ См.: János Politisz: Az újkori Görögország története. Bp., 1966. 213. p.

²² Κορδάτος. XIII. 1958. 506 и ниже.

²³ О вопросе навязанной сверху греческой революции см.: В. И. Ленин Полн. Собр. Соч. Т. 32. М. 1962. с. 258. 3. (16). июня г. 1917. Если греческая буржуазная историческая наука и замалчивает (см.: N. Pelsalis—Diomidis: Greece at the Paris Peace Conference (1919). Thessaloniki. 1978. 53—55. p.), или вовсе отрицает, что в этих событиях играли роль русский Февраль и дальнейшее развитие русской революции, то один из венгерских знатоков положения в Греции, лично наблюдавший за ним, в статье, написанной между двумя мировыми войнами, признал, что «положение греческого короля сильно осложнила русская революция», поскольку царь больше не мог поддерживать Константина. Szende Zoltán: A görög királyság bukása és feltámadása. 1915—1935. A görögség kálváriája a világháború alatt és után. Bp. 1936. (оттиск из январского номера Magyar Szemle 1936). 9—10. p. Хотя число таких признаний можно было бы увеличить, даже один историк из социалистической страны рассматривает историю греческого государства конца мировой войны не учитывая влияния русских революций. См.: Constantin Botoran: La Grèce. L'affirmation des états nationaux de Centre et du Sud-Est de l'Europe (1921—1923). Coordonateurs: Viorica Moisuc, Ion Calafeteanu. Bucureşti 1980. 92 и сл. стр. Аграрноисторическое противоречие в этой статье состоит в том, что период времени, предшествовавший убийству Каподистрии, излагается так, как будто тогда не обдумывалась крестьянская реформа, в то же время сам автор совершенно забывает о располагающем и международном аспектом крестьянском вопросе в долгий период времени, охватываемый нашей темой.

В прогрессивном русле греческом русле исторической науке особая заслуга принадлежит Кордату, который не прошёл мимо социального аспекта русской февральской народной революции и, обратив внимание на его влияние в Греции, упомянул о «глубоком впечатлении», оказанном Февралём на Венизелоса.

Κορδάτος. 1958. То. XIII. 458. p. См. ещё там же, 478., 507., 508. p. В буржуазной исторической науке пока исключение, хотя и слабое: George B. Leon: Greece and the Great Powers. 1914—1917. Thessaloniki. 1974. 478—479. p. (В процитированном здесь письме Венизелос сам говорит о решающем вынуждающем влиянии, оказанном на него русской революцией).

²⁴ Тимов. Экономика..., с. 204.

²⁵ Петрос Русос. Октябрьская революция и Греция. М., 1967, с. 48—49.

²⁶ А. Купукалис. Великая Октябрьская социалистическая революция и греческое рабочее движение. «Великая Октябрьская революция и Греция.» Отв. ред. А. Каратзас. Ташкент, 1968, с. 39. Цитированная работа Русоса вышла и на греческом языке: Π. Ροιδός: 'Η 'Οκτωβριανή 'Επανάσταση κεί η 'Ελλάδα.

²⁷ См. напр.: Mariadis, op. cit., 153. p.

²⁸ Alivisatos, 1932. 205. p.

²⁹ Κορδάτος. То. XIII. 1958. 459. p.

³⁰ Αλιβιζάτος. 1935. 3. p.

³¹ Σαράντα χρόνια τοῦ ΚΚΕ. 1918—1958. Εἰσιτογὴ Ντοκομεντων. 1958. 6., 17., 25. p.

³² Новейшая история, 1918—1939 гг. М., 1974. Глав. ред. И. С. Галкин, с. 447.

Необоснованно по прямой линии выводит развитие аграрной реформы из путча Пластираса: С. Д. Обрадович: Привреда Грчке. Солун. 1927, с. 62.

Решающую роль «захвата парцелл» и других крестьянских движений подчёркивает: Dr. Georg B. Ducas (афинский экономист): Die Landwirtschaft Griechenlands. Berichte über Landwirtschaft. Neue Folge. Band IV. Heft 2. Berlin. 1926. 361. p.

³³ Димитър Косев: Международното значение на Септемврийското Въстание през 1923 г. София. 1964. сс. 140, 188.

³⁴ Γεωργίου Δαφνής: 'Η 'Ελλάς μετακτὸν δύο πολέμων, 1923—1940. I. 'Αθήνα. 1955. 178—179., 268. p. Согласно преувеличенной оценке, данной в 1923 г. английской дипломатией, группа Метаксаса и подобные ей оппозиционные течения были тогда ещё «стадом овец без пастуха» по сравнению с силами правительства. Documents

on british Foreign Policy. 1919–1939. Edited by W. N. Medlicotti, Douglas Dakin and M. E. Lambert. First series. Volume XVIII. London 1972. 862. p.

- ³⁶ Восточноевропейские земельные реформы как и греческую обычно характеризуют лишь с учётом европейских аграрных отношений. Но картина становится по-настоящему пластичной при сравнении и со странами мусульманского Востока. В случае Греции наличие системы чифтликов и мусульманское соседство, взаимная включенность делают такое исследование прямо необходимым с научной точки зрения.

В аграрном законодательстве новой Турции мы замечаем признаки аграрнополитической акции реформистского характера в 1924–1925 гг., т. е. с опозданием по сравнению с Грецией и, несомненно, под сильным воздействием балканских событий 1923 г. Её важнейшим моментом были уничтожение ашара (*öşür*) крестьянского натурального налога феодальному государству, и его замена денежным налогом, а также юридическое уничтожение арендной системы сбора ашара (часть арендаторов ашара иногда были выходцами из греков). Параллельно с этим, но медленнее проходила реорганизация вакуфа, крупного церковного землевладения: отчасти путём его национализации, отчасти путём распродажи или нового регулирования (1924, 1934, 1935, 1936 гг.). Сюда нужно добавить продажу некоторых казённых земель (1925, 1934 гг.). С 1925 г., в основном по советскому примеру, организовывались образцовые государственные хозяйства, которые на основании изучения советского и американского опыта были снабжены несколькими тракторными станциями. Промышленная ветвь реформенной деятельности сильнее проявляется в турецких законах реформистского характера: строительство железных дорог, уничтожение старых ограничений цехового типа и т. д. сильнее выдвигались на передний план, чем аграрная реформенная деятельность, угрожавшая оберегаемому частному землевладению. Ещё в 1924 г. было сделано распоряжение о поселении трёх четвертей миллиона турок, бежавших из Греции и других мест. Первый официальный закон об аграрной реформе был принят в Турции лишь в 1935 г.

Из этого и из истории турецкой аграрной реформы после второй мировой войны выясняется, что *временным центром тяжести турецкой аграрной реформы была не период между двумя мировыми войнами, а период после 1945 г.* (это одна из причин того, что она не может излагаться просто вместе с восточноевропейскими реформами).

Ещё одно очевидное отличие от восточноевропейских реформ: *малая затронутость крупного частного землевладения между двумя мировыми войнами.*

Именно эти характерные черты в течение относительно долгого времени делали турецкую буржуазную земельную реформу прототипом многих ближневосточных и индийской буржуазных земельных реформ, также достигших своего апогея после 1945 г. В них тоже на переднем плане стояли ашар и аренда ашара (или соответствующие правовые категории), связанные с проблемами государственных земель, обмера земли, определения мелкой крестьянской недвижимой собственности. В то же время ближневосточные реформы, захватившие значительную часть нашего столетия, по сравнению с турецкими ещё одностороннее концентрировались на проблеме ашара, пока не пришло время крупных демократических движений.

Конечно, турецкая реформа могла в своё время быть прототипом аналогичной деятельности многочисленных восточных соседей Турции потому, что в этом регионе она первой перевела на свой крупнопомещичий язык, употребила в своей политике кое-что из результатов советской аграрной революции, действительно радикальной в ликвидировавший всякого барского землевладения и феодальных повинностей. См.: Моисеев, 1960, сс. 8, 21, 41, 43, 44, 45, 108, 110, 111, 112, 201; Розалиев, 1962, сс. 22, 62, 236; Моисеев П. П.: Турция. «Аграрные реформы в странах Востока». М., 1961, с. 208; Масленников А. А.: Индия. Там же, сс. 8, 80; Дорин Уоринер (Doreen Warriner): Земельные реформы в странах Ближнего Востока (Египет, Сирия, Ирак). М., 1958, с. 154.

- ³⁷ См.: *Αλιβιζατος*. 1935, 42. 1. — Аливизатос смыкает различие между 1923 г. и следующими двумя годами.

- ³⁸ Alivisatos, 1932. I. p. — Из сельскохозяйственной территории в качестве обработанной земли между 1914 и 1931 гг. было зарегистрировано 13. 355. 662 — 19. 319.054 стремм. La Grece actuelle. Athènes. 1933. 147. p.
- ³⁹ *Ihrig Károly*: A háború utáni földreformok statisztikai megvilágításban. Magyar Statisztikai Szemle. 1933. 860. 1. Говоря об экспроприации. Ириг также указывает, что земельный фонд отчасти состоял из обмена земель беженцев. Ibid; Politisz op. cit., 214. p.
- ⁴⁰ *Αλιβιζατος*. 1935. 33. p.
- ⁴¹ How Greece developed its Agriculture. 1947—1967. By D. C. Myrick and Lawrence A. Witucki. Wodington, 1971. 23. p.
- ⁴² См.: *Κορδάτος*. 1962, 477—484. p.
- ⁴³ В этом случае турецкое законодательство шло наравне с Грецией, где буржуазный кодекс был принят также в 1926 г.
- ⁴⁴ Mariadis, op. cit., 180—181. p.
- ⁴⁵ *Τακος Φακьόлас*. О некоторых чертах военной диктатуры в Греции. Коммунист. 1971; *Λαμπρινος*. op. cit., 112., p.
- ⁴⁶ Аливизатос затемняет этот вопрос, когда соотносит земли, взятые для раздачи, только с пашенной территорией (то есть не со всей сельскохозяйственной территорией). Таким образом, он завысил долю использованной земли до 40%. См.: Alivisatos, 1932. I. p.
- Площадь всей греческой сельскохозяйственной территории он же определяет в 38. 800. 275 стремм, а пашенной территории в 24. 786. 661 стремм. А розданная территория по самым высоким оценкам оценивается им в 9. 933. 678 стремм. *Αλιβιζατος*. 1935. 34. p.
- ⁴⁷ Ibid. (В предиславии.) Оценки иногда бывают ещё выше, но не переступают границу в 275 000 га. Несколько лет назад, в 1930 г., ещё утверждал, что аграрный вопрос «решён».
- ⁴⁸ *Hermann Gross*: Südosteuropa. Bau und Entwicklung der Wirtschaft. Leipzig, 1937. 90. p. — Несколько лет назад, в 1930 г., ещё утверждал, что аграрный вопрос «решён». Op. cit., 279. p.
- ⁴⁹ См.: Mathiopoulos, op. cit., 125. p.; Mariadis, op cit., 207. p.
- ⁵⁰ Mariadis, op. cit., 215. p.
- ⁵¹ См. напр.: Alivisatos, 1932. 288. 1.

Если официальные греческие заступники реформы так оправдываются из-за во многом отличных от их немереный результатов этой акции, трудно понять, почему современная западноевропейская историография продолжает придерживаться концепции «великой аграрной реформы». Она ещё утверждает, хотя и без всяких фактических доказательств, что крупное землевладение было так ликвидировано, что в Греции не осталось ни сельскохозяйственных рабочих, ни землевладельцев. Meyers Enzyklopädisches Lexikon. Bd. 10. Mannheim=(Wien — Zürich. 1974. 759., 770. p.

После этого мы вправе спросить: неужели редакция считает законодательство греческих контрреволюционеров революционной аграрной реформой под руководством коммунистов? Её слова могли бы отвечать *этому*.

Между прочим, такой подход, в рамках которого знакомые европейские социальные явления не замечаются на Балканах («теория ноля») — старая традиция буржуазной историографии на немецком языке. См. напр. рассуждения венского преподавателя университета Адольфа Вильгельма, по мнению которого «В Греции нет пролетариата». *Wilhelm Adolf*: Görögország gazdasági élete. Bp., 1917. 17. p.

⁵² Sering, 1930, 22. p.

⁵³ A.W. Sommer: Greece. London. New York. Toronto. 1945. 101. p.

⁵⁴ Mariadis, op. cit., 235. p.

⁵⁵ How Greece developed... 99. 1. — Площадь этой территории, могущей быть использованной в целях реформы, по скромным подсчётам, оценивается в I млн. га. *Karl Goss, Peter Klenn*: Hellas ohne Götter. Berlin. 1959. 145. p.

Хотя и на другой теоретической почве, но пример одного сохранившегося земельного владения в 200 га для более позднего времени упоминает *William H. McNeil*: The Metamorphosis of Greece since World War II. Chicago and London. 1978. 146. p.

Но на основании сказанного модная в тридцатых годах греческая теория, согласно которой тамошняя аграрная реформа с большой точностью соответствует румынской реформе, в такой степени не соответствует действительности. В Румынии до революционной аграрной реформы, последовавшей за второй мировой войной, в большой степени сохранилось ядро прежних крупных поместий, и наблюдаются и другие различия. См.: *Αλιβιζατος*. 1935, 180—181. p.

Принимая во внимание поместье в 25 тыс. гектаров греческих королей, едва ли можно согласиться с мнением буржуазных ученых, согласно которому в Греции государственные деятели никогда не рекрутировались из аграриев. Но это преувеличенное мнение, односторонне подходящее к явлениям аграризма и меркантилизма, опровергается и примером множества других политиков, располагающих земельными владениями. См.: *Dimitri T. Analis*: Balkan. 1945—1960. La price du pouvoir. Paris, 1978. 215. p.

⁵⁶ См.: *Johannes Gaitanides*: Griechenland ohne Saulen. München, 1955. 87. p.

⁵⁷ И те расчёты, по которым число имеющихся крестьянских хозяйств оценивается выше или, может быть, ниже, по существу отражают тот же самый статистический контраст. См.: Л. Мелниш, Т. Ламбринос: Гърция. София, 1959, с. 203—204: *Südosteuropa — Handbuch. III. Griechenland*. Herausgegeben von Klaus Delle Grot-husen. Göttingen. 1980. 214. p. (По переписи населения 1971 г. числилось 1. 036. 600 крестьянских хозяйств); П. И. Манча. Греция. наших дней. М., с. 43; *Върбан Ангелов*: Гърция и Турция в лагере на империалистите. (Политико-стопански очерк). София. 1964, с. 50; *Попов В. Д.*: Экономика современной Греции. М., 1971, с. 55; *How Greece developed*... 27. p.

В ходе изучения сильного контраста внутри категорий участков исследователи часто слишком смывают границу между остатками крупного поместья феодального происхождения и значительными крестьянскими и буржуазными участками, одна из причин чего может быть сведена к тому, что сама буржуазная статистика не стремилась провести такое различие.

⁵⁸ *Edward S. Forster*: A short History of the Modern Greece. 1921—1940. London, 1941. 155., 173., 196., 221. p.

См. ещё безразличное отношение в цит. работе Кусуласа.

О развитии греческого сельского хозяйства и общества после второй мировой войны в последнее время см.: П. Щерев: Промеси в социально-экономического развитие на Гърция през 60-те години и тяхното политическо значение. «Балканите след втората световна война» I. Ред. Николай Тодоров, Пантелей Щерев, Жоржета Григореева. София. 1978.

⁵⁹ *Σαράντα χρόνια τοῦ ΚΚΕ*... 6., 17., 34., 70—76., 112., 120., 138., 144., 153., 176—177., 179., 381., 446. p.

См. *Hans Schumacher*: Das neue Hellas. Berlin. 1937. 65—67. p.

⁶⁰ *Δεκα χρόνια αργότες. τοῦ ΚΚΕ 1935—1945. Προλογος: Γ. Ζεβγουν. Αθήνα*, 1977. 104. p.

⁶¹ Галкин, ук. соч. с. 449.

⁶² *Niederhauser Emil*: Forrongó félsziget. A Balkán a XIX—XX. században. Budapest. 1972. 213—214. p.

⁶³ *Sziopisz Petrosz*: A görög nép nemzeti ellenállási harca a második világháború éveiben (1939—1945). Вр., 1977 (Размноженная рукопись кандидатской диссертации). 175., 213. p. Подробнее см.: История национального сопротивления в Греции. 1940—1945. Под. ред. К. А. Шеменкова. М., 1977.

⁶⁴ Об этом см.: *Janisz Dellagrammatikosz Politisz — Keserü András*: Görögország... 50., 63. p.

⁶⁵ См.: *La vérité sur la Grèce*. Livre blen. (1948) 140., 142. p.: A görög nép szabadságharca. Budapest (1948) 27. p.

⁶⁶ Г. Д. Кирьякидис: Гражданская война в Греции. 1972, с. 356. См. ещё: *Antonio Solero*: Storia della politica comunista greca. Milano. 1973. 137. p.

⁶⁷ *Elżbieta Znamienowska — Rakk*: Rozwój stosunków Bułgarii z Grecją, i Turcją, po II. wojnie światowej. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk. 1979. 205—207. p.; Г. Манлиев: Икономическите отношения между Гърция и европейските социалистически стран — членки по СИВ. «Балканите след втората световна война» 2. Редколлегия: Николай Тодоров, Жоржета Григореева, Пантелей Щерев, Любен Беров. София. 1980, сс. 295, 303.